

МОДЕЛЬ МИРА В ЛИТОВСКИХ И РУССКИХ ЗАГОВОРАХ «ОТ ЗМЕИ»
(СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ) *

В данной работе сделана попытка проследить, как в литовских и русских заговорах от змеи отражается архаичная модель мира. Построить структурное описание помогает метод составления тезаурусного словаря, разработанный С. Е. Никитиной [Никитина 1993]. Метод заключается в том, что каждое значимое слово фольклорного текста описывается исходя из контекстов, в которых оно встречается в данном жанре. Фрагменты словаря приведены в приложении. Данные, полученные путем анализа этого материала, подкрепляются историческими сведениями, собранными в книгах П. Дундулене (Dundulienė), и в Сборнике литовской мифологии (далее — LM). Поскольку русских заговоров от змеи значительно меньше, чем литовских, и исторических данных, дающих исчерпывающее представление о месте змеи в русской народной культуре, было найдено немного, подробнее рассматривается литовский материал, а русский представлен иллюстративно.

Среди всех литовских заговоров заговоры «от змеи» являются самыми многочисленными. И это не случайно, если учесть значимость культа змеи для литовцев. Практически во всех исследованиях и описаниях литовской мифологии, пусть даже кратких, отмечается важная роль культа змеи в мировоззрении древних литовцев. Например, Александр Брюкнер так определяет своеобразие литовской религии: «Прежде всего выделяется культ Перкунаса, огня и ужей: уже эти три вещи придают литовской религии такое своеобразие, которого нет ни у славян, ни у германцев, ни у финнов» (Brückner [LM, 484]). Германн Узенер тоже подчеркивал особенно почтительное отношение литовцев к змеям: «Повсеместно было распространено и дольше всего сохранялось почитание домашней змеи, ее считали духом домашнего благополучия и приносили ей в жертву пищу» (Usener [LM, 427]). Подробно описывает взаимоотношения людей и ужей в Литве Василий фон Роткирх (Теобальд), публицист и мифолог: «Ужам приписывались сверхъестественные свойства, они считались божествами, покровителями дома; люди их держали в домах, заботились о них, кормили, спали вместе с ними и совершенно не боялись... В святилищах для ужей были специально приготовленные лежанки, здесь они почитались вместе с другими священными пресмыкающимися, или фе-тишами, по-литовски — змеями» (Теобальд [LM, 357–358]).

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 97-04-06180.

Однако змеи и ужи были не только домашними животными, с которыми людей связывала нежная дружба, но и как бы «домашними жрецами», предсказателями будущего: прежде чем сесть за стол, еду давали попробовать сначала ужа, и только после этого люди приступали к трапезе, а если же угощение по какой-либо причине ужом не нравилось и они отказывались от него, это служило печальным предзнаменованием — впереди был несчастливый год, плохой урожай и т. п.

О значимости ужа/змеи свидетельствует змеевидная сущность некоторых богов литовского пантеона: «Тримпа, или Йоре — бог весны, податель счастья, создатель покоя, процветания и изобилия, покровитель скота, пахоты и посевов; <...> В его честь держали в большой посудине ужа, которого священники хорошо кормили, поили молоком и укладывали на колосья. Литовцы считали его святым, и отправляясь на войну, если встречали на дороге ужа, говорили, что это бог Тримпа» (Daukantas [LM, 157–158]). Бог Патримпас, описанный здесь, считался еще и покровителем водоемов и источников и входил в тройку главных богов литовского пантеона: «Патримпас показывался в виде змеи с человеческой головой в короне». В хронике Нарбутта о Патримпасе сказано: «Как свидетельствуют хроники, изображение этого божества в виде свернувшейся спиралью змеи стояло в Ромове слева от Перкунаса...» (Hanusch [LM, 109]). Уже цитировавшийся Василий фон Роткирх (Теобальд) приводит данные и о другом божестве, имевшем обличие змеи: «Аушлайвис был мифическим врачом. Литовцы его почитали в виде большого ужа. У них также были колдуны или заклинатели змей, которые носили их за пазухой, показывали людям и уверяли, что обезвредив их смогут лечить все болезни. Эти колдуны считали себя учениками и почитателями бога здоровья» (Теобальд [LM, 357–358]).

Змеи и ужи жили не только в домах, но были связаны и с природными объектами, в частности, с землей и с лесом: «Ужи, которых держали в священном лесу в Вильнюсе, назывались Земенниками, <...> мог и бог земли называться Земенником, и ужи, разводимые в его честь, могли иметь то же имя» (Stanevičius [LM, 109]). На их связь с лесом указывает и то, что жрецы часто держали ужей в дуплах сгнивших священных деревьев (Kraszewski [LM, 214]). Сходство имен змеи и бога земли имеет, однако, более глубокое значение, чем считает автор приведенной цитаты. Особая связь змеи с землей прослеживается в заговорных текстах, в фольклорной традиции вообще и в этимологии слов. **zmьja* от **zemja*.

Таким образом, мы видим, что змеиный облик имели божества воды, земли, плодородия и благополучия. Даже имя верховного бога, которое В. Н. Топоров видит в названии *Андай/Ньнадей* (**No-(an)-deiv-* и *An(t)-deiv-*) [Топоров 1972, 311], некоторые исследователи пытались связать с названием змеи: «...,angis» — ядовитая змея... Andij, Andej

могло легко образоваться из Ang`d`ew, Ang`ė-Dėwe, а это, как показывает Jońde (pone Dieve) превратилось в And`ė» (Wolter [LM, 342]).

В русской традиции такого ярко выраженного культа змеи нет, возможно, поэтому и заговорных текстов, посвященных змее, значительно меньше. Однако даже имеющиеся тексты открывают целый мир, по которому можно составить представление об отношении к змее наших предков. Некоторые отрывочные сведения позволяют предположить также уважительное отношение к ней славян, бытовавшее когда-то: важнейшие праздники славян, отмечавшие время осеннего и весеннего равноденствия, то есть смену главных фаз в «жизни» земли, были связаны с культом змеи, когда змеи выходят из земли весной и прячутся под землю осенью; один из главных богов славян Волос-Велес, скотий бог, предположительно имел змеиную природу; а некоторые сербские и словацкие поверья связывают змею с культом умерших предков и почитают как покровителя дома [Очерки, 152, 168, 183]. Однако в русских заговорах мы не найдем такого почтительного отношения к змее — в них змея определенно отрицательный персонаж.

Совсем иначе в литовских заговорах: прежде всего бросается в глаза двойственность отношения к змее — с одной стороны, некоторые змеи смертельно опасны, и заговоры имеют лечебное назначение, направленное против укуса; с другой стороны, заметно очевидное почитание этого животного и то, с каким трудом приходится отказываться от культа змеи в связи с наступлением христианства. Можно практически четко разделить заговоры, возникшие в дохристианскую эпоху, от более поздних или позднее переделанных. По структуре и, предположительно, по времени появления заговоры можно разделить на следующие группы:

1) Самые краткие, состоящие всего из 1–2 слов, представляющие собой завуалированное ласковое обращение к змее или название вещей, способных ей противостоять, например: (*Pamatęs gyvatę sakyk*) *Kregždytė gražioji (jai tas vardas patinka, ji tuomet nepyksta ir nekanda)* «(Увидев змею говори) Ласточка прекрасная (ей это имя нравится, она тогда не злится и не кусает)» [Elisonas. Ropliai, 108]; *Saulė, mėnuo, šešėlis...* «Солнце, месяц, тень» [TD, 179, № 447].

2) Построенные по принципу: «как А, так и В» или «А не имеет х, В не имеет у, (значит и С не имеет z) (последнее часто не эксплицировано)». Например: *Paukštis be geluonės, medis be liemens, vanduo be kojų* «Птица без жала, дерево без ствола, вода без ног» [Mansikka, 81, № 76]; *...kaip ši žalioji varlė neskusta, taip ši juoda karvė nekūsta (= neįkasta)...* «...как эта зеленая лягушка не очищена, так эта черная корова не укушена...» [Balys, 57, № 386]. В таких заговорах, как правило, бывает задействовано несколько основных концептов, а змея вообще может не упоминаться, сам текст, отличающийся большой информативностью, обладает достаточной силой, чтобы ей противостоять.

3) Обращения непосредственно к змее с разными целями, часто с перечислением разнообразных эпитетов:

3а — задабривание, просьба, договор, например: *Auksute sidabru te* (3 р.), *nei aš tau nieko padariau* (3 р.), *nei tu man nieko padarei* (3 р.). *Eik savo naman, atsigulk* (3 р.) «Золотушка серебрушка, ни я тебе ничего не сделал, ни ты мне ничего не сделала. Иди к себе домой, ложись» [LT, 892, №9265]; *Tu, gyvate, Tu, graži paukštyte, Tu ten gera būk, Niekam gailos nedaryk* «Ты, змея, ты, красивая птичка, ты там будь добра, никому не делай вреда» [LKAG, 57 (32)];

3б — приказ, например: *Piktoji gyvate, atsiimk piktybę savo nuo N!* «Злая змея, забери свою злобу у N!» [Balys, 55, №370]; *Atsitrauk nuo manęs nelaboji, kad daugiau tavęs nematyčiau!* «Отцепись от меня, нечистая, чтобы больше я тебя не видел!» [Elisonas. Ropliai, 105];

3с — условия и угрозы, например: *Jei įgelei, gyvate, tai greičiau atleisk; jei ne, tegul pliš ir išpumps su savo vaikais. Taigi, greičiau atleisk!* «Если укусила, змея, то поскорее отпусти, если нет, пусть лопнет и содохнет со своими детьми. Так что, поскорее отпусти!» [Balys, 55, №372]; *...O jei neišimsite, tai būsite basliais badžiotos, taukais mozotos ir bizūnais kotavotos* «...А если не вынете, то будете колами исколоты, жиром измазаны и плетью биты» [LT, 896, №9291].

4) Обращения к земле, которая часто отождествляется со змеей:

4а — просьба, укор, например: *Žemė juodoji* (3 р.), *Kam tu palai dei* (3 р.), *Negadnų daiktų* (3 р.) «Земля черная, зачем ты допустила негодные вещи» [LTR, 3801 (48)]; *Šventoji žemė, Žeme, žeme, žemela, Gyvate, gyvate, gyvate, Atiduok sveikatą* «Святая земля, земля, земля, земля, змея, змея, змея, отдай здоровье» [LTR, 6258 (89)];

4б — противопоставление неба/Бога земле, например: *Žemės žemybe, Dangaus dangybe, Gyvatės piktybe, Ataduok mūsų gėrybę, Imk savo piktybę* «Низость земли, небесность неба, злоба змеи, отдай наше добро, бери свое зло» [LTR, 3863 (131)]; *Dievo galybe, žemės biaurybe, imk sau biaurybę, duok man galybę* «Могущество Бога, мерзость земли, бери свою мерзость, дай мне могущество» [LTR, 3863 (171)].

5) Действия самого заговаривающего, часто с помощью божественных персонажей, например: *Krakave, aukso galvoj stovi motina Dievo. Susirinkite, visos kirmėlės, atleiskit šitą tinimą, aš jum visom galvas nukirsiu. Jūs žinokit, kad aš jūs apiekūnas, turit manęs klausyti* «В Кракове, в золотой голове стоит Богородица. Соберитесь, все черви, отпустите эту опухоль, я вам всем головы отрублю. Вы знайте, я ваш „опекун“, вы должны меня слушаться» [LT, 892, №9270]; *...Vardan Dievo Tėvo, ir Sūnaus ir Šventos Dvasios — paliepiu tau išnešti savo tručyznų iš ronos, kurį aš matau. Amen* «...Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа — велю тебе вынести яд из раны, которую я вижу» [Balys, 57, №389].

6) Обращение за помощью к божественным персонажам с целью переложить на них полную ответственность за исход лечения, например: *Prašau Viešpat Jėzau Kristau į pagalbą. Ikando tą gyvulį gyvatė. Sako Viešpat Jėzus taip: — Ne aš tave mušu, nei mano giminė, tai tave muša visi šventieji. Pragaro galybė!* (Зр.) «Прошу, Господи Иисусе Христе, на помощь. Укусила это животное змея. Говорит Господь Иисус так: — Не я тебя бью, не моя родня, это тебя бьют все святые. Могущество ада!» [Balys, 56, №377]; *Panela Švenčiausia, kadangi pamynei tą ledudielį, kurioj an viso pasaulio norėjo praryt, pamink nuodus šitos ledudiulos, kurioj inkando, reiškia, tokį ir tokį gyvulį* «Дева Пресвятая, поскольку ты затоптала ту злюку, которая весь мир хотела проглотить, затопчи яд этой злюки, которая укусила, значит, такое-то животное» [LTR, 4325 (235)].

7) Описание действий самих божественных персонажей, часто носящее повествовательный характер, например, истории, рассказанные от 3-го лица о том, как соответствующий персонаж когда-то справился (или договорился) со змеей: *Šv. Petras ir Jėzusėjo per žalią ganyklą ir patiko žaltį ir gyvatę. Angelas šnekėjo, o Kristus prisiekė, kad nuodai išeitų. Amen* «Св. Петр и Иисус шли по зеленому пастбищу и встретили ужа и змею. Ангел говорил, а Христос поклялся, чтобы яд вышел. Аминь» [Balys, 58, №392]; *Jojo šventas Jurgus lauku, jojo giria, prijojo didelį ežerą. Prijojęs nuo žirgo nusėdo, gyvatę užminė. Raitosi gyvatė, šventą Jurgį kojon gelia. Šventas Jurgus gyvatei taria: «Aš tave užgavau, tu mane įgėlei. Atleisk tu man, atleisiu aš tau. Kitas kitam pikto nedarykim. Per švento Jurgio žodžius tau, gyvate, įsakau, atleisk (žmogaus vardas minimas), kaip jis tau atleido!»* «Скакал святой Георгий по полю, прискакал к большому озеру. Прискакав, сошел с коня, наступил на змею. Извивается змея, жалит святого Георгия в ногу. Святой Георгий змсе говорит: „Я тебя задел, ты меня ужалила. Прости ты меня, прощу и я тебя. Давай не будем друг другу причинять зло. Через слова святого Георгия тебе, змея, приказываю, прости NN, как он тебя простил!“» [Elisonas. Ropliai, 97].

Выделенные типы показывают весь спектр отношений к змее — от заискивающе-почтительного до агрессивно-враждебного. Однако стоит отметить, что чаще всего присутствует стремление сначала договориться со змеей по-хорошему, по крайней мере, не причинять ей вреда, прогнать, вынуть жало, но не убивать. В некоторых случаях даже подчеркивается, что нельзя убивать змею, иначе укушенный ею человек не выздоровеет. Наиболее многочисленны тексты, в которых заговаривающий обращается к змее или к природным стихиям и объектам, причем часто обращение выражено не формой вокатива, а непосредственно названием этого объекта. Более поздние влияния отчетливо видны на примере вставок с именами христианских святых или с отрывками известных молитв в архаичный,

«языческий» текст. Например: *Akmuo be šaknų, Sveika Marija, Paukštis ba pieno, Sveika Marija. Kirmala ba kramso (gromulio), Sveika Marija* «Камень без корня, Радуйся, Мария. Птица без молока, Радуйся, Мария. Червь без жала, Радуйся, Мария» [Mansikka, 81, №76]. Самой поздней формой, скорее всего, являются обращения к божественным персонажам. Меняется со временем и восприятие самой змеи. В заговорах, менее подверженных поздним трансформациям, змея предстает как могущественный персонаж, перед которым преклоняются, называют ласковыми именами. Позже этот образ изменяется — змея становится воплощением зла и всякой нечисти, что четко противопоставлено доброму и светлому началу — небу, солнцу, Богу. Вначале этого противопоставления нет, даже трудно различить порой, что противопоставлено змее, а что существует с ней наравне.

В русской традиции труднее разграничить более ранние и более поздние типы заговоров — они все довольно однообразны, и змея в них является нечистой силой, связанной определенно с потусторонним миром. Это противопоставление своего мира чужому проходит во всех заговорах, возможно, таким образом, разделив сферы влияния, человек стремится избавиться от змеи, например: *Лютая змея, у тебя дом в пещере, у раба же Божия (имя рек) в деревне; тебе, лютый змее, до моря далеко, а рабу Божию (имя рек) до неба высоко; тебе, лютый змее, каленый уголь в зубы, а раба Божия тело белое, не боли и не пухни, отныне и до века* [Майков, 72, №187]. Самой частой и практически единственной формой обращения к змее является угроза и приказ взять жало (яд) от больного, причем общение заговаривающего со змеей происходит чаще всего без посредников: *Во морском озере, во святом колодце черпаю я воду, отговариваю, приговариваю от той от лютой от медяницы, от золотой головы. Ты, змей лютый, золотая голова, выкинь свою жалу от рабы Божьей (имя рек), от живота, от сердца, от третьей жилы, от третьего пожилка, от третьего сустава, от третьего суставчика* [Майков, 71, №183]. Отличительной чертой русских заговоров от змеи можно назвать избыточность описания как частей тела пострадавшего человека (см. приведенный заговор), так и объектов природы и самих змей, например: *На море-окиане, на большом Буяне, стоит дуб, стара-дуб, под этим дубом, стара-дубом лежит камень Белороб, на этом камне Белоробе сидит змей-Скороспей. Ты, змей-Скороспей, у тебя много детей: тридевять удененков, тридевять козюленков, тридевять золотых мединцов и тридевять перярных щадушов, и тридевять перярных козюль, и тридевять перярных шадышей, и тридевять перярных ужаков, и тридевять перярных медынцев, и тридевять перярных желтобрюхов, и тридевять огневых змеев, и тридевять перярных полозов. И гаркнет змей-Скороспей: собирайтесь, змеи*

все — и лесовые, и полевые, луговые, рубежовые, межевые и водяные, и болотные, и дворовые, и подколочные, вынете свое жало из красного мяса. Если вынете свое жало, то вас сырая земля примет, ясное солнце обогреет, а если не вынете своего жало, то вас сырая земля не примет и ясное солнце не обогреет. Не я вас породила, не я вас на свет пустила, а вас на свет пустила Пресвятая Богородица, которая Иисуса Христа породила. [РЗ, 82, № 162]. Точная локализация местонахождения змей, иерархия природных объектов (море — остров — дуб — камень) является еще одной отличительной особенностью русских заговоров от змеи (в литовских заговорах предметы как бы виснут в воздухе). Приведенный пример можно назвать типичным — именно по такому принципу построено большинство заговоров от змеи: сначала идет описание места, где находится главный змей, от которого зависит судьба всех остальных его подданных; далее описывается разговор этого персонажа со змеями (а чаще — заговаривающего с этим главным змеем), угроза в случае невыполнения приказанного и ссылка (иногда отсутствующая) на божественных персонажей, призываемых на помощь. Однако чаще всего заговаривающий, хотя и упоминает имена могущественных помощников, сам расправляется со змеей: ...Ты, змея медяница скороспея, вынимай свое жало поскорее от раба Божья (имя рек); а кады не вымешь своего жало поскорее, возьму я калену стрелу, пойду к Иисусу Христу и сам тебя застрелю... [Майков, 68, № 175]. Как видно, русские и литовские заговоры отличаются и по структуре, и по отношению к змее заговаривающего и других объектов заговорного мира.

Двойственное отношение к змее в литовской традиции просматривается и в обращенных к ней именах. Имена также можно разделить на группы, в зависимости от того, какой признак они подчеркивают. Прежде всего это общие названия разных типов змей: *gyvatė* 'змея', *kirmelė* 'червь', *žaltys* 'уж', *šliužas* 'слизень'. Общее родовое название *gyvatė* 'змея' (корень *gyv-* 'жизнь, живой') заменило более древний термин *angis*, родственный латинскому *anguis* [Dundulienė, 8], и рус. угорь, лит. *ungurys* 'угорь' [Фасмер IV, 146]. Это древнее наименование в текстах заговоров не зафиксировано, что связано, скорее всего, с табу на настоящее имя. Поэтому чаще всего используется *gyvatė*, возможно, уже считавшееся заменой. Далее по частоте употребления следует *kirmelė*, затем *žaltys*. Причем ужом могла называться и ядовитая змея, так же как и безобидный уж мог называться змеей [Dundulienė, 11]. Что касается последнего имени *šliužas*, оно образовано от глагола *šliaužti* 'ползти' и предположительно связано со ср.-в.-н. *sluch* 'рукав, шланг, кишка, змеиная кожа' [Фасмер III, 677 s. v. *слуз*].

Названия змеи в русских заговорах не так разнообразны и многочисленны, как литовские, в основном змея называется змеей лютый,

гад, гадина, червь земляной, уж, ужица. Эти названия аналогичны вышперечисленным литовским и являются общеродовыми; *гад, гадина*, вероятно, связаны с видовым *гадюка*. Однако происхождение некоторых имен трудно объяснить, например, таких, как *таль, росица, карачалка, шереса*. Возможно, *таль* имеет отношение к глаголу *таять*, а *росица* — к *росе*, таким образом, змея получает «водные» имена. *Карачалка*, возможно, связано с глаголом *карачить* 'пятиться, идти задом, ползком' [Даль II, 91], а *шереса* — с глаголом *шерести* 'шевелиться, копаться, производя шорох' [Там же, IV, 629]. Кстати, в литовских заговорах от глаголов, описывающих подобные действия змеи, тоже образуется целый ряд производных названий в основном с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ut*: *čiūži, čiūžutė* (от *čiūžuoti* 'ползать', *čiūžus* 'скользящий'); *šlamu šlamutė* (от *šlamoti* 'шлепать, тащиться', *šlaminti* 'шуршать, шелестеть'); *palazina (полоз?)* от *ползать* [Фасмер III, 314]. От русского *шереса*, возможно, образовано и другое название змеи *шересперь*, имеющее значение 'рыба жерех' и связанное с *шершавый, шереспериться* 'топорщиться' [Фасмер IV, 430].

Связь змеи с рыбой, отраженная в последнем названии, может быть неслучайной. Помимо их общего отношения к воде и нижнему миру возможна связь через эпитет: русское название *рыба* этимологически связано с *рябой*, то есть 'пестрый' (Топоров [Фасмер III, 526]), что является постоянным эпитетом змеи в русских и литовских заговорах. Эпитет 'пестрый' связан с оппозицией свет/тьма и соотносится с мраком (лит. *margas* — рус. *мрак*) и с мерцающим, сверкающим огнем — молнией (*моргавко* 'зарница') [Невская 1984]. То есть эпитет, на первый взгляд основанный на визуальном восприятии, имеет более сложную семантику и еще раз подтверждает амбивалентность змеи — она находится на границе двух миров, ее положение неустойчиво, это обуславливает ее связь с противоположными членами оппозиций. Интересно, что этот эпитет объединяет не только змею с рыбой, но и с противоположным им обоим персонажем — птицей [Цивьян 1984, 49]. В заговорах змея получает нередко и птичьи эпитеты: в русских заговорах *широконерая, полетучая*; в литовских — (*pa*)*skraiduolinė, (pa)skreduolinė, skruoduola* (от *skristi, skrendu, skraidyti* 'лететь, лечу, летать'); *čiulbutė* (от *čiulbėti* 'щебетать, чирикать'). В литовском народном искусстве нередко изображались змеи с крыльями. Табуированное название змеи птицей и превращение змеи в птицу после укуса отмечается и в румынских заговорах [Цивьян 1984]. Связь змеи и птицы имеет, по всей видимости, общемифологический характер: «Тождество змея=птица с достаточной достоверностью подтверждается и уровнем первичной мифологизации, и уровнем универсальных мифологем, в частности связанных с основным мифом. В этом плане оно представляется логичным и семантически обоснованным» [Там же, 53]. В заговорных образах птицы и змеи действительно много общего: обе имеют крылья и перья,

змеиное жало в литовских заговорах называется *snapas* 'клюв': *Žaltys Jėvai duria gylį iš savo snapo, Jėzus mīna su kojom* «Уж Еву колет жалом из своего клюва, Иисус топчет ногами» [Balys, 58, №396]; а в русских — клевало: *Змеиное клевало в камень, а тоска в лыко да в пать, а не в милого раба Божия Ивана* [РЗ, 78, №150].

Жало является главным орудием змеи, которому уделяется основное внимание при обращении к змее (оно и упоминается в текстах чаще всех остальных частей тела змеи — см. тезаурусный словарь): жало просят вынуть, забрать, потопить, окунуть в воду; оно является носителем яда, который змея оставляет в ране и который пытается нейтрализовать заговаривающий. Яд часто отождествляется с болью, опухолью, нарывом, хотя является их причиной. Змею также просят забрать с собой, унести, вынуть боль. В русских заговорах жало изофункционально яду, у змеи еще есть и рот, в котором находятся зубы с ядом, то есть, еще одно орудие змеи; и уши. Помимо этого со змеи можно еще снять двенадцать шкур, что и грозит сделать заговаривающий.

В литовских заговорах части тела змеи могут метонимически обозначать саму змею, например, много разнообразных образований от слова 'хвост': *šaltuodegė* 'холоднохвостая', *geležineuodegė* 'железнохвостая', *ilgauodegė* 'длиннохвостая'. Бытуют легенды о когда-то существовавших змеях с разветвленными, двойными или тройными, концами хвостов [Dundulienė, 34]. Названия змей в литовских заговорах — *brizgauodegė* букв. 'с растрепанным, лохматым хвостом' еще раз подтверждают это. Помимо хвоста из частей тела выделяются глаза (*akelė padakelė*), челюсть (*žiauna pažiauna*) и... рога (*raguočė paraگوčė*). Но и это не лишено основания — народные предания сохранили сведения о главном божестве ужей — Рагисе (от слова *ragas* — 'рог'), у которого на голове были рога [Там же, 142]. В русских заговорах можно отметить только один случай метонимии — *золотая голова*. Этот эпитет отражен и в литовских заговорах — змея называется *aiksinė* 'золотая', *sidabrinė* 'серебряная'¹.

Связь змеи с золотом прослеживается и в других жанрах фольклора: в сказках Бажова хозяин подземных недр (Полоз) владел залежами золота и, проползая по земле, оставлял за собой золотой след [Бажов, 158–165]. Змея, хозяйка нижнего мира, являлась хранительницей кладов, денег, зарытых в земле, и несметного богатства, подземного огня — золота. В русских сказках превращенная в девушку змея горит в огне [Афанасьев, №248, 566], ср. сказку П. П. Бажова «Огневушка-Поскакушка». Связь змеи с огнем отражена и в русских поверьях:

¹ Интересно, что польский король змей назывался *Złoczyń* или *Złotogłowiec* и был способен превратиться в чистое золото, если бросить в него камень [Majewski, 100, 114].

«Если поймать змею с короной на голове (с рожками) и, приготовив особым образом, съесть, будешь понимать разговор огня с огнем, травы с травой, животных и птиц» [СРС, 174]. На «огненную» природу змей указывают и ее эпитеты в литовских заговорах: *spindutė* (от *spindėti* 'сверкать'); *žibutė* (от *žibėti* 'блестеть'). Два последних имени, по-видимому, обязаны своим появлением разновидности ящерицы, которую литовцы называют *žaltys žibulys* 'уж-блестка' в связи с окраской — блестящим медным цветом. Эту же змею по той же причине называли еще 'железной' (*geležinė*) и 'медной' (*varinė*) [Dundulienė, 19, 39]. С металлами связывают змею не только особенности внешнего вида, но и ее отношение к нижнему миру, ведь металлы являются символом подземного царства [МНМ, II, 146–147].

В русских заговорах помимо аналогичного литовскому *медяница* фигурируют и названия *ярый ярец*, *перейрец*, что тоже имеет отношение к медному цветку: «Ярь, медянистые, ядовитые соли, идущие в краски» [Даль IV, 680]. Круг значений многочисленных слов с корнем *яр-* отсылает еще к некоторым концептам, каждый из которых имеет архаическую мифопоэтическую основу, близкую змее: *ярый* 'огненный, горячий', но и 'злой, лютый'; *ярь* 'растительная сила почвы'; *ярина* 'овечья шерсть'; *Ярила* [Там же].

С внешним видом змей связана также довольно многочисленная группа наименований в литовских заговорах — прежде всего это все цветовые обозначения: *ruda*, *marga*, (*pa*)*juoda*, (*pa*)*raudona*, *žalia*, *balta*, *mėlyna*, *šėmoji*, *pilka*, *melsva*, *skersai dryža padryža*, *išilgai dryža padryža* 'коричневая, пестрая, черная, красная, зеленая, белая, синяя, пегая, серая, синеватая, поперечно полосатая, продольно полосатая'. Кажется, здесь представлены все варианты окраса, которые только могло выдумать человеческое воображение. Но это лишь следствие наблюдательности: самая ядовитая змея на территории Литвы называется *marguolė* 'пеструшка', она серо-коричневая с темным зигзагообразным рисунком на спине, иногда черная. Другой тип змеи-ужа имеет оранжевое брюшко, а еще один — зелено-черную голову с желтыми пятнами, пестрый живот с черными и белыми полосками, оборачивающимися вокруг тела. Кроме того, встречаются змеи с точками небесного цвета [Dundulienė, 19, 38]. Как видно из этого описания, почти все змеи пестрые, как бы обвитые разнообразным рисунком. Очевидно, отсюда и эпитеты, используемые в заговорах, — *pintinė* (от *pinti* — 'плести', то есть 'переплетенная', что перекликается с названием вида змеи *pantinė* (от *pantis* — 'пути', родственного, кстати, нем. *spinnen* 'прясть': [Фасмер III, 412]); близкий ему по значению *verpstinė* 'веретенная' (ср. русское название змеи *Веретеница* — то же, что литовский *žaltys žibulys*, то есть Медяница, «переходная к змеям безногая ящерица» [Даль I, 18]); а также *kaparinė* — дословно 'конопляная', но, возможно, это тоже связано с цветом — ср. рус. *конопатый*, образованное от *конопля* [Там же, II, 152].

Некоторые имена представляют собой метафоры. В русских заговорах таких случаев немного: в основном змея называется *скорпея* (произв. от *скорпион*), однако это наименование претерпело ряд изменений, так что некоторые трудно возвести к породившему их имени: *скопрея*, *скоропея*, *скороспея*, *шкуропея*, и даже *шкура пегя*. Другое распространенное название змеи *казюля* (*козюля*), вероятно, связано с представлениями, что у змеи есть рога (см. выше). К метафорическим названиям можно отнести и уже упоминавшееся *карачалка* (возможно, от *карачайка* — «черная, долгошерстая и мягкая овчина»? [Даль II, 91]). Связь с овечьей шкурой просматривается почти во всех русских заговорах, где описывается местонахождение змеи: *На море на Окияне, на острове на Буяне стоит дуб, под тем дубом ракитовый куст, под тем кустом лежит бел камень, на том камне лежит рунцо, под тем рунцом лежит змея скорпея...* [Майков, 68, № 174]; *На море, на острове лежит куча елового дору, в этом во дору лежит руно черного барана, в этом руне свито гнездо, в этом гнезде лежит змея шкуропея...* [РЗ, 81, № 159]. В Литве распространены поверья о том, что змеи не кусают овец. Обряды, совершаемые в Рождество, были связаны с овцами и змеями одновременно: дети цеплялись друг за дружку, образуя вереницу («ужа») и бежали по деревне с криками «*bar-bar-bar*» (как овечка) и «*čiu-čiuks*» (как змея)². Участников этой вереницы называли овечками [Dundulienė, 141]. Как известно, Рождественский Сочельник был связан с культом умерших предков, которые, вероятно, и символизировались овцами и змеями. Реконструируемый и.-е. корень **uel-*, имеющий отношение к душам умерших (лит. *velė* 'душа', *Vėlinės* 'день поминовения мертвых'), отражается и в названии противника Бога-Громовержца основного мифа (*Велес* — *Волос*), и в названии овечьей шерсти (рус. *волна*, лит. *vilna*) [Иванов, Топоров 1974, 34]. Змеи и черти как хозяева стад овец выступают и в литовских сказках, отражая сюжет основного мифа.

В литовских заговорах метафорические названия змеи имеют более ласкательный оттенок — змея чаще всего называется птичкой: *paukštelė* 'птичка', *graži paukštytė* 'красивая пташка', *kregždytė gražioji* 'ласточка прекрасная', *lakštutė* 'соловушка' (см. выше об устойчивости этого сравнения). Связь змеи с птицей прослеживается в древних мифах о создателях мира — птице и змее, появившихся из Космического яйца. В литовских сказках жизнь дракона заключена в утином яйце. На обрядовых яйцах, разбиваемых на Пасху, часто изображался орнамент в виде змей, считалось, что из разбитого яйца открывается выход для змеи — подательницы жизни и плодородия. Тройная связь змея-птица-конь воплощается в облике дракона или Верховной змеи, изображавшейся с крыльями, короткими птичьими ногами и лошади-

² С этим звукоподражанием, вероятно, связано латышское название змеи *čūska*.

ной головой. По преданиям, души умерших людей переходят в змей и птиц. В то же время змеи считались предками лошадей [Dundulienė, 22, 67, 72, 131, 138]. Кстати, змея в заговорах имеет еще и название *arklinė* 'лошадиная', а в народном искусстве часто изображалась с солнцем и его крылатыми конями. На лошади появляется в литовских легендах и Айтварас, служащий воплощением змеи, птицы и небесного огня в одном лице, во многом схожий с русским Огненным Змеем — он огненным вихрем пронесется по небу, приносит людям богатство, способен превращаться в красного петуха и вылупляться из яйца. Кроме того, он любит яичницу, сладкое молоко и мед. Не случайно змею в литовских заговорах называют *saldutė* (от *saldus* 'сладкий'), *medutė* (от *medus* 'мед'). Однако конь в заговорах может быть и противником змеи: *Dievs Tēvs, sūnus Dievs, Dvasia Šventa; šventas Jonas, šventas Petrai, šventas Dievo kardas, geležinės akėčios, juodi arkliai tegul tave sutrauko į striūgus striunkelius*. «Бог Отец, Бог сын, Дух Святой; святой Иоанн, святой Петр, святой Божий меч, железные бороны, черные кони пусть тебя разорвут на мелкие кусочки» [Balys, 58, № 394]; *Во еси вы, триста коней железных и триста мужей железных, берите вы по луку железному и по триста стрел железных, гоните вы скоро наскоро и стреляйте черной коровушке матушке в вымя, во ужево жало и во змеино* [Майков, 70, № 181].

Единственной птицей, выступающей против змеи, в литовских заговорах является петух, кровь которого является оружием заговаривающего: *...Jei neišimsi, aš paimsiu, mesiu akmenis (akmens?) ugnį, uždegsiu kalnus, pakalnes ir klonius ir tau nebus, kur išeiti. Jei neišeisi, aš paimsiu gaidžio skiauteres kraujo, užliesiu kalnus, pakalnes ir klonius...* «Если не вынешь (змея жала), я возьму, брошу камни (из камня?) огонь, зажгу горы, склоны и долины, и тебе некуда будет выйти. Если не выйдешь, я возьму кровь из петушиного гребешка, залью горы, склоны и долины...» [LTR, 3961 (7)]. Из приведенного текста видно, что кровь изофункциональна огню — 'залить кровью' равносильно 'зажечь огнем'. Однако сама змея имеет связь с огнем — помимо Айтвараса, который называется *ugninis žaltys* 'огненный уж', в заговорах присутствует обращение к королю змей — *karaliau liepsnotas* 'король пламенный', который изображался с развевающейся сверкающей золотом гривой. Огнем в литовских заговорах угрожают змее, огонь может сам «проклясть» змею; огнем, точнее, прижиганием горячим железом лечится змеиный укус [Elisonas. Ropliai, 120]; однако уж сам мог в отместку за убийство своего сородича поджечь избу обидчика. Чтобы избавиться от змей, рекомендовалось выйти со святым огнем в поле, зажечь там три костра, подождать, пока они догорят, и тогда все змеи покинут деревню и уйдут в то место, где горел огонь [Elisonas. Ropliai, 109].

Такая амбивалентность по отношению к змее свойственна и другим стихиям — воде и земле. Пострадавший человек должен был как мож-

но быстрее окунуть укушенное место в воду, а если змея успеет быстрее него доползти до воды, человек не поправится. Змея считалась властительницей вод, и в то же время вода, как и другие важные объекты мироздания, в литовских заговорах может змею проклясть. Одним из способов избавиться от укуса является требование к змее окунуть жало в воду: *...Plaukei per marion, uodagos nežumerkei, kišk, skundzic savo gyluonį undenin, iškel cynių viršun.* «Плыла по морю, хвост не замочила, окунь, потопи свое жало в воде, подними опухоль наверх» [Mansikka, 80, №71]. Змея в литовских заговорах сама нередко называется *vandinė* 'водяная' и *šaltinė* 'родниковая'. Последнее образовано от слова *šaltinis* 'родник', имеющего корень *šalt-* 'холод', что сближает его по внутренней форме с цслав. *студеньць*, ср. производные от корня *šalt-* в именах змеи (*šaltauodegė, šalta geležis*, и аналогичн. *zimna žeminga*). В русских заговорах змея тоже имеет эпитет *водяная*, однако вода является одним из противников змеи, она не пускает, не принимает змею, вода является орудием заговаривающего, и его преимущество заключается в обладании ею: *Лютая змея, лютоедица, за что ты рабу Божию (имя рек) ела? У тебя во рту капли воды нет, а у меня море во рту* [Майков, 72, №188]; *Колоколуха, бойся Святого духа, постной коляды да иорданской воды* [ТРМ, 67, №279].

Земля, самая близкая стихия для змеи, очевидная среда обитания, тоже, как ни странно, способна лечить змеиный укус. Укушенное место посыпали землей или даже закапывали в землю [Elisonas. Ropliai, 122]. В русских заговорах змея называется *гад подземельный, червь земляной*, она проходит сквозь землю, сама земля сравнивается со змеиным жалом: *...Как матушка земля стоит на трех кедрах, не тряхнется и не ворохнется, — так стой, ужево жало и змеино, не тряхнись и не ворохнись* [Майков, 70, №181]. Однако приводится крайне перенасыщенный перечень земных объектов, на которых змея появляться не должна: *...От грозной тучи нигде ты не укроешься: ни под землею, ни под межою, ни в поле, ни под колодою, ни в траве, ни в сырых борах, ни в темных лесах, ни в оврагах, ни в ямах, ни в дубах, ни в норах...* [РЗ, 80, №157]. Если в русских заговорах земля — пассивный объект, то в литовских заговорах она более активна, а иногда и персонифицирована. Земля в заговорах способна проклясть змею, она обвиняется в том, что допустила такую несправедливость — позволила змее ужалить человека. Литовские заговоры, обращенные к земле, занимают отдельную группу заговоров от укуса змеи, а иногда даже трудно определить, к кому заговор обращен — к самой земле или к змее, называемой 'землей': *Žemyje žeme, neturi valios ant šios žemės. Kam mano <...> karvelį sutraukijai. Kaip buvo iš pradžios, tegul bus visados* «На земле земля, не имеешь власти на этой земле. Зачем мою коровку разорвала. Как было сначала, пусть будет всегда» [Mansikka, 79, №68]. Сама змея в заговорах называется не только *žeminė, pažeminė, žeminga*

'земляная, подземная', но и именам богини земли — *Žemenėle* (*žemeniala, žemelėle*), *Matelala* (*metelėle*), *Motinėle žieminėle*, *Muminė Žeminė* 'Земля Матушка'. Тесную связь змеи с землей можно видеть и в уже упоминавшейся этимологии слав. **zmyja*. Однако земля в литовских заговорах имеет ярко выраженный негативный оттенок: ее свойства — злоба, зло, мерзость, в то время как змея может выступать и в виде объектов, противопоставляемых по своим качествам земле, — солнца, месяца, звезд. Например: *Spindutė, saulietė, mėnulis tu danguje, niekam iškados nedarai, tu tiek niekam nedaryk, lišk sa gurban, gul'k į duoną* «Лучик, солнышко, месяц ты на небе, никому не приносишь вреда, ты так никому не приноси, лезь в хлев, ложись в хлеб» [LTR, 5497 (241)]. Хлеб был близок змее, возможно, как и любая растительность, ведь змея считалась покровительницей плодородия, и все, что растет на земле, было в ее власти. Такова же и прагматика: змеи уничтожали грызунов, таким образом увеличивая урожай. На обрядовых хлебах часто изображались символы змей, птиц, животных, растений и небесных тел, а еще в XVI веке литовцы жертвовали божествам неба и земли принесенные под зеленые дубы хлеба, испеченные в виде змей, ужей или собак [Dundulienė, 86, 147]. Исследования показывают, что домашних ужей литовцы держали в домах рядом с зерновыми закромами, часто под жерновыми, — отсюда и название *deiviai pagirniai*, то есть 'боги под жерновыми'. До начала XX века сохранились предания об ужах, живущих в кладовых, способных летать и приносить хозяевам зерно. Это свидетельствует о том, что ужам принадлежала функция охраны главного богатства крестьян — хлеба [Urbanavičius, 14]. Однако и укусы змеи лечился хлебом: заговоры наговаривались чаще всего на хлеб, который скармливался пострадавшему (неважно, человеку или животному). Идя в лес, брали с собой кусочек хлеба, — считалось, что змея боится запаха хлеба и избегает его [Elisonas. Gyvatė, 164]. Если после укуса змеи человек сразу съедает хлеб с солью, входил под крышу и становился против солнца, то не только излечивался от укуса, но и получал все, что пожелает (в качестве компенсации за нанесенный ущерб) [Dundulienė, 104].

Культе змеи в Литве тесно переплетался с культом солнца — змею можно было приманить знаком солнца — сложенными крестообразно соломинками. Считалось, что змея питается солнцем, а если убить змею, солнце будет плакать, не будет светить несколько дней. Пока светит солнце, змея не может умереть, солнце будет поддерживать в ней жизнь. Если войти в лес, вспомнив день, на который приходился Сочельник (день рождения солнца), змея не укусит, также не трогает она тех, кто почитает солнце [Dundulienė, 115, 129]. В литовских сказках уж является сыном Солнца или родом из страны Солнца; на земле он вынужден вступить в борьбу с каким-либо сказочным персонажем, и если побеждает, то получает право вернуться на родину

[Šimkūnaitė, 21]. Заговоры от змей считались наиболее действенными, если заговаривать до захода солнца, обернувшись к нему лицом. Сами заговоры тоже включают в себя обращения к солнцу: *Saulė kairėn, Saulė dešinėn, O gyvatė užpakalin*. «Солнце налево, солнце направо, а змея назад» [LT, 987, № 9296]; *Žeme ir saule, Atimkite nuodus*. «Земля и солнце, отнимите яд» [LTR, 3988 (57)]. Солнце, больше, чем другие объекты, призывалось не принять змею, не светить на нее, сжечь, ненавидеть, не смотреть на нее. Зрение в отношении змеи тоже является амбивалентным символом: с одной стороны, среди прочих частей тела у змеи выделяется глаз, и она даже называется *akelė* 'глазок'; главного ужа, господина всех змей просят взглянуть глазком из-под своей короны, т. е. его глаз имеет исцеляющую функцию, и в то же время змея называется слепой (*akla*). Возможно, это связано с двойственностью солнца, ведь глаз является символом солнца — небесного всевидящего ока. Видимо, оппозиция видеть/не видеть, слепой/зрячий и — как следствие — свет/темнота связана с положительным и отрицательным отношением к змее — взглянуть, т. е. спасти, может господин змей, с которым заговаривающий старается установить контакт. Обратный случай — лишение змеи зрения, т. е. возможности видеть солнечный свет, и с другой стороны, солнца — возможности глядеть, т. е. освещать змею, в наказание за нанесение вреда человеку в тот момент, когда дружелюбно-покровительственные отношения между змеей и человеком нарушились. Свет и зрение объединены в следующем литовском поверье: если жечь змею в огне и смотреть на нее, вскоре ослепнешь [Elisonas. Reptilia, 89]. Стоит отметить, что змеи считались способными лечить глазные болезни, и вообще змеиный глаз имел особую силу — ср. роль змеиных глаз в любовной магии у русских³.

По русским поверьям, в день Ивана Купалы (летнего солнцестояния) слепая змея медянка получает зрение на целые сутки и потому делается очень опасной: бросаясь на человека, как стрела, может пробить его насквозь [СРС, 172]. Однако в русских заговорах солнце пассивно и выступает противником змеи: не обогревает змею, змея укрывается от солнца руном: *...под черной руной лежит змея скоропея, укрывши от частых звезд, от ясного месяца, от светлаго солнца...* [Майков, 68, № 176]. Солнце, звезды и месяц в русских заговорах составляют единый комплекс, противопоставленный змее. Но змея имела связь и со звездами: в день святого Власия в Тульской губ. овчары «окликали звезды» с просьбой осветить овец и умножить их количество [Иванов, Топоров 1974, 74]. В польской традиции падающая звезда

³ Интересно отметить, что одним из польских названий мифического змея было *Ostrowidz*. По тем же польским поверьям обычная змея становилась крылатой с 7 годами, если ее в течение 7 лет не увидит глаз человека [Majewski, 100, 113].

называлась летающим змеем [Majewski, 120]. В литовских заговорах, возможно, это получило отражение в назывании змеи звездой: *Sal-dzyja bitela(ė)*, *šviesyja žvaigždela(ė)*, *atprašau, atmeldžiū aš tavi, at-maldau, juodo plauko, (juodo) plaukelio nekliud(z)uk* «Сладкая пчелка, светлая звездочка, прошу, молю тебя, упрасиваю, черному волосу, волоску не мешай» [Mansikka, 76, № 55]. Видимо, не случайно в этом заговоре змея называется пчелкой, по крайней мере, пчела была средством от укуса (по-видимому, в силу лечения подобного подобным — пчела тоже жалит): ее прикладывали к ране, место укуса окуривали пчелиными сотами, пострадавшему рекомендовалось есть пчел с хлебом и медом [Elisonas. Gyvatė, 165]. Возможно, этим объясняется и эпитет змеи 'медовая' в литовских заговорах (см. выше).

Помимо вышеперечисленных объектов, которые имеют тесную связь со змеей, часто совмещаются с ней, в литовских заговорах существует еще круг явлений и концептов, которые присутствуют в текстах как бы параллельно змее, существуют наравне с ней и входят в отношения неявного сравнения, образуя своеобразный ассоциативный комплекс. Например, *Akmuo be šaknies, Paukštis be pieno, Papartis be žiedo* «Камень без корня, птица без молока, папоротник без цветка» [LTR, 4921 (17)]; *Saulė saulė, mėnuo mėnesiu, žemė žeme, upė upė! Nueik tu, gyvate, skradu žeme!* «Солнце солнце, месяц месяц, земля земля, река река (во втором случае — формы вокатива)! Пройди ты, змея, сквозь землю!» [LT, 895, № 9283]. Выстраивается круг объектов, в который помимо уже описанных солнца, месяца, воды, земли и птицы входят еще «растительные» персонажи — папоротник и дерево, а также камень.

Папоротник, как известно, является воплощением птицы, это подтверждают и языковые факты: рус. *папоротник* родственно *перо*, лит. *sparnas* 'крыло' — рус. *парить* [Фасмер 1966, III, 202]. Поэтому не случайно змея сравнивается с папоротником, а цветок папоротника — с жалом, вероятно, из-за сходства того и другого с огнем: цветок папоротника распускается с треском, похожим на раскаты грома, в ночь на Ивана Купалу, то есть во время летнего солнцестояния, а жало обжигает как огонь — связь в языке понятий *жалить* и *гореть* отмечает А. А. Потебня [Потебня 1860, 24]. Лит. *gelti* 'жалить' родственно лтш. *dzelt, dzilinat* 'колоть, жечь, обжигать, кусать' [Fraenkel, 145]. С папоротником змеем сближает и то, что по поверью, если кто-то увидит ноги змеи (как и если найдет цветок папоротника), то узнает все тайны, сможет читать мысли и находить зарытые в земле богатства, кроме того, змея может научить человека языку зверей и птиц [Elisonas. Reptilia, 89]. Однако папоротник имеет свойство прогонять змей [Потебня 1860, 180], вероятно, беря на себя в этом случае функции грома.

Помимо этого змея связывается и непосредственно с растительным миром (см. к этому этимологическую связь *žaltys* 'уж' и *žalias*

‘зеленый’). По литовским поверьям, змею нельзя убивать, поскольку она собирает яд со всех растений в лесу, и они становятся безвредными [Elisonas. Gyvate, 172]. И в заговорах змея называется некоторыми «растительными» именами: *žalesnykas matusnykas* (вероятно, от *žalesa* ‘зелень’), *žilvitinė* < *žilvitynas* ‘лозняк, раkitник’, то есть ‘раkitовая’. Лит. *žilvitis* состоит из двух частей: *žil-* < *žilas* ‘седой’, родственного рус. *зеленый, золото, зола* [Фасмер, II, 103], и *vit-* < *vyti*, родственного рус. *ветвь, вить*. Так мы еще раз возвращаемся к связи понятий ‘огонь’, ‘золото’, ‘зелень’, ‘змея’ и ‘прядение (витье)’. Кстати, рус. *ракита* (< праслав. **orkyta*) сравнивается с лтш. *ērklis* ‘веретено’ [Фасмер III, 438]. Помимо этих названий змея имеет еще «растительные» эпитеты *pušinė* ‘сосновая’, *krūminė* ‘кустовая’, *kviethkinė* ‘цветочная’. В русских заговорах это приобретает более отчетливые формы — змея находится под раkitовым или липовым кустом: *На море на Окияне, на острове на Буяне стоит дуб, под тем дубом раkitовый куст, под тем кустом лежит бел камень, на том камне лежит руно, под тем руном лежит змея скопрея...* [Майков, 68, № 174]. Строгая иерархия объектов в русских заговорах при описании местонахождения змеи (море — остров — дуб — куст — камень — руно — змея) иногда нарушается: змея помещается просто на камне или на дубе: *...На океане на море стоит дуб, На дубу сидит скрипя-змея...* [СРЗ, 151]. Более того, змея сравнивается с дубом: *Не дубы я рублю, черную гадину рублю, Дубы-то не станут, а люко-то повянут, А гадина-то пропадет, А у раба Божия у Анатолия рана заживет* [ТРМ, 132, № 533]. Разрубание дуба в погоне за змеем повторяет сюжет основного мифа, в котором противник Громовержца скрывается от него в дупле дуба [Иванов, Топоров 1974, 97].

Уже отмечалось, что в Литве змеи жили в дуплах сгнивших священных деревьев. Известно и то, что литовцы приносили жертвы ужам и змеям под дубом. Это отсылает сразу к проблематике Мирового Древа, с низом которого, т.е. с корнями, была связана змея. В литовских заговорах змея сравнивается с деревом, а ее жало — со стволом ‘дерево без ствола = змея без жала’. Дуб служит одновременно и местом обитания змей — там находится их гнездо (именно не «на» и не «под», а неопределенное «там»: *Yra Egerç kalnas, tame kalne qžuolas ir ten gūžta. Toje gūžtoje trys slūgos: Karalina, Katrina ir Marcelina. Tos prašau išimti, kuri įleidote tą geluonį...* «Есть гора Егеру, на той горе дуб и там гнездо. В том гнезде три слуги: Каралина, Катрина и Марцелина. Ты прошу вынуть, которая выпустила это жало» [LT, 896, № 9291] (ср. аналогичный русский заговор: *На море на Окиане, на реке Ордане стоит дуб, на том дубе сорок гнезд. Сам Саватей, сударыня Хевра!..* [Майков, 71, № 182]); и местом, откуда исходит угроза для змей: *Atlaisk geluonį, jei neatlaisi, juodas marias, žalis qžuolas, un qžuola griausmas, jei neatlaisi, tavi razmuš in dvylukų kavalkų* «Отпусти жало, если не отпустишь, в

черном море зеленый дуб, на дубе гром, если не отпустишь, тебя разобьет на 12 кусков» [LTR, 4813(65)]. По агрессивному отношению к змее и по эпическому началу заговора можно сделать вывод, что он довольно поздний. По крайней мере, гром и дуб когда-то имели связь со змеей, как и другие атрибуты Перкунаса — конь, огонь, гора. Такая общность указывает на то, что эти два непримиримых врага имели когда-то дружеские отношения: «Множество фактов указывает на хорошие отношения змеи и бога-громовержца Перкунаса. Змея является спутницей Перкунаса. Однако когда змея прячет воду и вызывает засуху, Перкунас злится и бьет ее» [Dundulienė, 128].

Местом обитания змеи в литовских заговорах является не только дуб, но и лес вообще: она выползает из леса, из-под липового или орехового куста; лес еще служит и местом столкновения змеи с противоположными ей персонажами — в лесу она встречает Бога и Швайстикаса, которые борются с ней.

В литовском заговорном мире камень тоже имеет элементы растения — он не имеет корня, ветвей и цветка (которые сравниваются со змеиным жалом). Возможно, это связано с литовскими поверьями о том, что камни растут. В заговорах камень «затаил дыхание», из него берется огонь, а Моисей превращает его в воду. Такое универсальное содержание делает камень центром вселенной, каковым он является, например, в русских заговорах — на камне пребывает не только змея или царица всех змей, к которой обращаются за помощью: *На море на Океяне, на острове на Буяне лежит бел горюч камень Алатырь; на том камне свито гнездо золотое, в том гнезде лежит царица Елица* [Майков, 70, № 179]; но и абсолютная незыблемая сила, способная с этой змеей справиться: *...На Океане море лежит Златырь камень, на Златыре камне стоит соборна церква, в той церкви соборней стоит престол, а за престолом стоят триста коней железных и триста мужей железных...* [Майков, 70, № 181]. Камень в русских заговорах — средоточие огненной силы, могущества и святости, о чем свидетельствуют его эпитеты: *бел, златый, бел горюч Алатырь, Златырь, Белороб*.

В литовских заговорах такое центральное положение камня явно не выражается, хотя и подчеркивается, что он находится «за синим морем»: *Eik iš Petro rankos greičiau. Tu čia nebūk, tu čia nesėdėk. Eik už mėlynųjų marių ant pilko akmens...* «Иди из руки Петра быстрее. Ты здесь не будь, ты здесь не сиди. Иди за синее море на серый камень...» [LTR, 3957 (51)]. Возможно, такая размытость местонахождения камня (он еще и в поле) связана с тем, что камень был близок и почитаем литовцами долгое время не как абстрактный центр мира, а как реальный объект. Культ камня — еще одна отличительная особенность Литвы, где было огромное количество священных камней даже в те времена, когда они уже перестали выполнять функцию языческого жертвенника. Археологические исследования обнаружили на территории Литвы

камни с аккуратно выдолбленными углублениями, их считали священными и даже при переезде на новое место брали с собой. На таких камнях часто вырезались изображения звезд, месяца, символы неба и змеи, именно эти камни были посвящены Домашнему ужу, в честь которого в углублении сжигались жертвы. Такие камни охраняли дом от любого зла, они были в каждом доме, их часто ставили так, чтобы одна часть выходила из избы на солнечную сторону — так уж и могли греться на солнце. Углубления в этих камнях содержали не только огонь — в них еще собиралась вода, в которой купались ужи. Такая вода тоже считалась святой и целебной — ею лечили болезни глаз, кожи и суставов. Ею же поили домашних и лесных ужей. Недаром считалось, что свой яд змея берет из камня, как и из воды [Dundulienė, 104, 152–155]. Хотя камень служил и спасением от укуса — пострадавший должен был как можно скорее встать на камень, и тогда выздоравливал, если же первой до камня добиралась змея, лечиться было бесполезно (ср. то же самое относительно воды). О змеиной любви к камням свидетельствуют и русские поверья: «Там, где собрались змеи под землю, является светлый, белый камень; змеи лизут его, насыщаясь, и излиывают весь: это и есть бел-горюч камень Алатырь» [СРС, 174].

Оставшимися двумя членами комплекса сравнения со змеей без жала в литовских заговорах является вода без крыла и без ног и птица без молока и без жала. О связи воды и птицы со змеей уже говорилось, но теперь обнаруживается еще и их связь между собой — воде приписываются атрибуты, пусть и отсутствующие, которые должны принадлежать птице. Птица, в свою очередь, приобретает черты одновременно змеи и коровы. Надо отметить, что коровы со змеями водили странную дружбу: в Литве говорили, что каждая корова имеет своего ужа, который пьет ее молоко, и его не только не прогоняют, но и считают это счастливым знаком. Более того, если уж пропадает, корова дает меньше молока, а иногда и умирает. Покупая корову, покупали вместе с ней и ее ужа [Dundulienė, 93]. Как уже отмечалось, мифический Айтварас тоже любит молоко. Однако в заговорах не отражается такая тесная дружба коровы со змеей — корова является совершенно беспомощной жертвой змеиного укуса и сравнивается с жабой, еще одним персонажем, принадлежащим к змеиному миру в литовских заговорах.

По преданиям, змея близка к жабе: жабы тоже пили коровье молоко и вырастали огромными, до размеров головы коровы; некоторые жабы даже имели крылья и могли летать; считалось, что в них, как и в змеях, воплотились души умерших, правда, неестественной смертью; жабы считались символом жизни и смерти, и наконец, жабы тоже служили лекарственным средством от многих болезней [Dundulienė, 174–178]. Так же, как и при убийстве змеи, солнце плачет, если убить жабу (по другим преданиям — месяц плачет, а солнце смеется), однако, жаба

считается «птицей вяльняса» и боится солнца. Змеи с жабами имеют сложные отношения — жаба дает змее яд, если встретишь жабу, значит где-то поблизости должна быть змея; с другой стороны, если жаба плюнет на змею, змея подохнет, а лягушка считается лекарством от змеиного укуса: ее живую прикладывают к ране [Elisonas. Varlės, 478–485]. Если при входе в лес сказать «лягушка», змея испугается и не укусит⁴. Укус змеи должен исчезнуть при упоминании «нечищенной» лягушки: *Dziewo gėrybė, žemės bjaurybė, Paim, Dziewe, bjaurybį, Duoktum gėrybį, Varlė neskusta, Juoda karvė, kad kirsta Tai pamačys* «Благость Бога, мерзость земли. Возьми, Боже, мерзость, дай мне благость. Лягушка нечищена, Черная корова, что укушена, так поможет» [LTR, 4077 (64)]. Лит. *skusti* 'чистить, скрести, лущить' может по смыслу сближаться с глаголом *kirsti*, который помимо 'кусать, жалить' имеет еще и значения 'рубить, жать, ударять, пересекать', общее в этих значениях можно сформулировать как 'нарушать общий целостный вид, разделять на части'. Название жабы *rupūžė* в литовском, возможно, имеет отношение к польск. *ropucha*, связанном со слвц. *rapavu* 'оспенный, покрытый оспой' [Фасмер III, 503]. Польское же *krosta* 'оспинка' (рус. *короста*) имеет отношение к еще одному названию жабы — *короставка*, родственному лит. *karšti* 'расчесывать, чесать' [Фасмер II, 335]. Так что, вероятно, признак «неочищенность, покрытость налетом, коростой», которую хотелось снять, выделялось как главный признак в названии этого пресмыкающегося. По-видимому, упоминание мотива «неочищенности» лягушки в литовском заговоре, указывающего на этимологию ее названия, должно было усилить восприятие и еще больше напугать змею.

Итак, мы видим, что довольно трудно четко разделить объекты мира, описываемого в литовских заговорах от змеи, на относящиеся к змее и нейтральные или противоположные ей. Хотя многие из них ведут себя двойственно. Например, что касается объектов, составляющих своего рода космос в заговорном мире, т.е. небо, солнце, месяц, звезды и т. п., только небо явно противопоставлено змее-«земле»: в противоположность низости, злобе земли подчеркивается, что небо обладает «высотой», «благостью» и «могуществом», его, в отличие от змеи, сотворил Господь Бог (*Ponas Dievas*). Однако змея в другом контексте называется *mėnulio tu danguje* 'месяц ты на небе', причем это единственный случай упоминания места пребывания небесного тела, остальные объекты как бы нигде не находятся: в отличие от русских заговоров, где выстраивается целая иерархия объектов, и каждый

⁴ Вражда змеи и лягушки подтверждается фольклорными данными, свидетельствующими о поединке змеи/ужа и лягушки/жабы. В литовской традиции жаба могущественнее змеи, что, вероятно, связано с участием лягушки в творении мира [Судник, Цивьян 1982] — в таком случае змея должна олицетворять первозданный хаос.

имеет довольно строго закрепленное за собой место, в литовских заговорах вырисовывается набор концептов, явно ничем не объединенных, но имеющих между собой сложную систему связей. Эти связи могут проявляться в виде сравнений, параллелизма, при замене одного концепта другим. Например, при перечислении нескольких объектов, выполняющих одинаковые действия: *Urvine, negadink žmonių! <...> Saulė tegul tave nešviečia, mėnuo tegul tave nešviečia. Tegul iškeikia tave dangus, iškeikia žemė, iškeikia tave vanduo, iškeikia ugnis, tegul iškeikia tave visi šventieji ir Švenčiausia Motina* «Пещерная, не вреди людям! <...> Солнце пусть тебе не светит, месяц пусть тебе не светит. Пусть проклянет тебя небо, проклянет земля, проклянет тебя вода, проклянет огонь, пусть проклянут тебя все святые и Пресвятая Богородица» [LT, 895, №9288]. Таким образом солнце и месяц образуют одну группу по отношению к змее, а небо, земля, вода, огонь — другую. В следующем примере образуется уже другой комплекс действующих лиц, объединенных негативным отношением к змее: *...Nepriims tavęs dievas, nepriims tavęs saulė, nepriims tavęs mėnuo, nepriims tavęs žvaigždės. Neprisiglausi tu nei ant samanų, nei po samanom, nei ant krūmo, nei po krūmu...* «...Не примет тебя Бог, не примет тебя солнце, не примет тебя месяц, не примут тебя звезды. Не спрячешься ни на мху, ни подо мхом, ни на кусту, ни под кустом...» [LT, 895, №9287]. (Ср. сходный мотив в русском заговоре: «...Если вынете свое жало, то вас сырая земля примет, ясное солнце обогреет, а если не вынете своего жало, то вас сырая земля не примет и ясное солнце не обогреет...» [РЗ, 82, №162]). Змея изгоняется из сфер, ранее принадлежавших ей: выше была рассмотрена связь змеи с солнцем, месяцем, звездами, а также лесом и, в частности, кустом. Не случайно в этих двух примерах включаются в контекст святые и Бог — проявляется более поздняя тенденция угрожать змее и «выгонять» ее из собственных владений, сужая таким образом ее мир и сферу взаимодействия с другими концептами.

Земные объекты также одновременно являются местами обитания змеи и местами ее встреч с противоположными ей персонажами. Например, змея появляется из леса, но и Бог идет через лес, находит там змеиную гнезду, через лес скачет Швайстикас, в лес прогоняется змея «на суд Божий»: *Juoda, pilka, dryža, ruda, raudona, melsva (kitas spalvas), keikiu aš tave, kad eitumei ant dievo sūdo į sausų mišką, į tyrus, kad nesopėtų ir netintų. Keikiu aš tave!* «Черная, серая, полосатая, коричневая, красная, синеватая, проклинаю я тебя, чтобы пошла на суд божий в сухие леса, в пустыни, чтобы не болело и не пухло. Проклинаю я тебя!» [Mansikka, 74, №47]. Похожую роль играет море: змея плывет через него, ее прогоняют за море, за морем стоит дуб, на котором находится гром, способный разбить змею на двенадцать кусочков. Эти атрибуты Перкунаса, так же как кони и горы, обращены теперь

против змеи: *Dievs Tēvs, sūnus Dievs, Dvasia Šventa; šventas Jonas, šventas Petrai, šventas Dievo kardas, geležinēs akēčios, juodi arkliai tegul tave sutrauko ī striūgus striunkelius* «Бог Отец, Бог Сын, Дух Святой, святой Иоанн, святой Петр, святой Божий меч, железные бороны, черные кони пусть тебя разорвут на мелкие кусочки» [Balys, 58, №394]. Остальные природные объекты можно охарактеризовать подобным образом: и река, и гора, и поле, и пастбище являются ареной для развития главных событий в заговоре.

Непосредственно змее отводится немного места для проживания: она живет в гнезде (гнездо в лесу или на дубе/под дубом); посылается в свой дом, в гроб, в пещеру, под землю, в лес; находится в Киеве, в человеке. В противоположность ей Пресвятая Дева Мария пребывает в Кракове. Интересно, что и в русских заговорах змея находится в Киеве: *В Киеве змея, в пещере змея...* [ТРМ, 132, №534]. Возможно, и в литовские заговоры Киев попал под воздействием русской традиции. Что же касается пребывания Девы Марии в Кракове, это, несомненно, влияние польского католицизма на Литву.

В русских заговорах, как уже отмечалось, змее отводится строго определенное место: она живет в гнезде (которое в свою очередь четко локализовано — на дубе или на камне); под руном (тоже на камне или у липовом кусте); на кровати (под сырым дубом); выходит из пещеры: *Из моря, из-за горы, из белокаменной пещеры выходила широкоперая змея...* [Майков, 72, №186]. Места, в которых временно находится змея (поле, травы, изгороди, дразги, пень, колода), по которым она проходит, являются уже нежелательными для ее появления и заговаривающий «не пускает» туда змею: *...От грозной тучи нигде ты не укроешься: ни под землю, ни под межою, ни в поле, ни под колодою, ни в траве, ни в сырых борах, ни в темных лесах, ни в оврагах, ни в ямах, ни в дубах, ни в порох...* [РЗ, 80, №157]. Примечательно, что мир вообще — белый свет — является нераздельными владениями Раба Божьего в русских заговорах (*...проклятая, лютая змея, людоедица змея, чтоб тебе, проклятой, сквозь землю пройти, а тебе, рабу Божию (имя рек), по белу свету ходить* [Майков, 73, №190]), и местом пребывания змеи в литовских (*Ir leidžiama tau po pasaulį vaikščiot, neleidžiama tau kad kenktai žmonėms, ar gyvuliam ar kokiam daiktam* «И дозволено тебе по миру ходить, не дозволено тебе вредить людям или животным или какой-нибудь вещи»).

Итак, получается, что змея в литовских заговорах способна занимать все пространство мира: и земные объекты, и водные, и небесные, что объясняет ее амбивалентность. В русских заговорах, наоборот, змея подчинена четкому мировому устройству, она лишь часть этого мира, занимающая строго определенное место в иерархии объектов. Что касается общего мира, его модель в целом схожа в литовских и русских заговорах, различие заключается в явном выделении центра в послед-

них и устремленности к этому центру, что и является основой сюжетной линии в заговорах. Мир противоположных змее персонажей тоже схож в литовских и русских заговорах: это прежде всего Бог, святые и сам заговаривающий. Однако в литовских заговорах самым активным и могущественным персонажем, ведущим борьбу со змеей, оказывается Бог (вероятно, в силу того, что заговаривающий был настроен к змее скорее подобострастно, стремился договориться с ней, а Бог как третья могущественная сила появляется уже позже), а в русских заговорах — «Я» (заговаривающий).

Самым могущественным и грозным по отношению к змее персонажем выступает Бог. Он убивает, закапывает, затаптывает, растирает змею, отрубает ей голову. Отмечается, что он обладает мощью, силой и добротой, чем его просят поделиться. В заговорах одним из важнейших орудий является имя Бога: *...Per Dievo vardą pagalbes tegul pamatuja Onai Mažeikienei* «Через помощь имени Бога пусть поможет Оне Мажейкене» [LTR 4921(17)]. Имя змеи также служит орудием против нее: зная ее имя, можно ее победить: *Aš visų vardus žinau, nė vienos nebijau: ar juodoji, ar margoji, ar varinė trejos devynėrių* «Я все ваши имена знаю, ни одной не боюсь: черная или пестрая, или медная, тридевятъ» [Balys, 56, № 382]. В русских заговорах змея получает множество собственных имен: *Колоколуха, Марья, Марина, Катерина, Ирина, Марья, Наталей, Гарафена, Саватей*, а также имена царицы змей: *Змия Македоница* (возможно от *медяница?*), *царица Елица, сударыня Хевра*. В литовских заговорах присутствуют только *Marcelina, Katrina* и *Karalina*. Сложно объяснить, чем вызван выбор именно этих имен, единственное, что невозможно не отметить — повторения в нескольких именах созвучий *mar-* и *rin-*. Первый корень имеет непосредственное отношение к змее (о *margas* 'пестрый' см. выше), относительно второго что-то определенное сказать трудно. Возможно, использование любых имен в адрес змеи приближало к цели — случайным набором звуков можно было угадать имя настоящее, скрытое, табуированное.

Могущественное имя имеет в литовских заговорах и Иисус Христос (*Paukštelis be pieno, akmuo be šaknų, papartis be žiedo. Per Jėzaus vardą tegul tai margai karvei pamatija* «Птичка без молока, камень без корней, папоротник без цветка. Через имя Иисуса пусть этой пестрой корове поможет» [Mansikka, 73, № 43]). Действия его носят довольно пассивный характер — Христос в основном говорит: *Gyvatė kerta, Jėzus kalba, šventa Marija siekia, šventi angelai stovi* «Змея жалит, Иисус говорит, святая Мария следит, святые ангелы стоят» [Balys, 58, № 395]. Однако его образ более конкретен: у него есть ноги (которыми он мнет змею) и слюна, которая, по-видимому, сравнивается со змеиным ядом: *Ėjo Jėzus per Cedrono upį, nusispiovė tris kartus upėn, tai upėj sailė prapuolė, kad prapult ant svieto visos piktybės* «Шел Иисус через реку

Цедрон и плюнул три раза в реку, в той реке слюна пропала, чтобы пропало на свете все зло» [Mansikka, 77, № 56]. Вероятно, это связано с визуальным сходством, сравнение слюны с ядом следует считать довольно архаичным, а упоминание Иисуса Христа появилось по той же причине, что и в остальных заговорах. Это подтверждает и другой заговор, по форме более архаичный: *Eina saulė, eina seilės, tegul išeina ir šito tvinkimas kartu* «Идет солнце, идут слюны, пусть выходит и эта опухоль заодно» [LTR, 4105 (405)]. Кстати А. А. Потебня сближает слюну со словом и, в частности, с колдовством [Потебня 1860, 64]. Таким образом, «плевание» Иисуса Христа в заговорах равносильно еще и сказанному им слову.

Весьма сложный образ в литовских заговорах имеет еще один святой персонаж — Дева Мария. Она упоминается чаще, чем Иисус Христос, и иногда ставится в один ряд с «языческими» персонажами: *Sauliula, mėnasėli, šviesyja aušrela, gražyja švenčiausia Panela, atim man šitą sopulį. Amen* «Солнышко, месяцочек, светлая зорька, прекрасная Пресвятая Дева, забери от меня эту боль. Аминь» [Mansikka, 77, № 57]. Это не случайно, поскольку новые христианские святые пришли на место старых языческих и заменили их, во многом перенеяв их функции: «В христианские времена, когда место богини Солнца заняла Богородица, она, как и ранние мифические персонажи, связывалась с драконом или змеей. Поэтому в христианской иконографии Мария изображалась с драконом или змеей у ног» [Dundulienė, 77]. Христианский праздник Благовещения (25 марта) пришелся на день, посвященный змеям и пресмыкающимся, когда приветствовали ужей и змей, выползающих весной из земли [Там же, 138]⁵. В литовских заговорах Мария сравнивается с ужом: *Sustok, gyvate, Pana Marija eina, vyresnė, kaip žalčio galva* «Остановись, змея, Дева Мария идет, старше, чем голова ужа» [Balys, 57, № 388]. Хотя Мария и противопоставлена змее, такое сравнение ставит ее в ряд с природными объектами, также имеющими косвенную связь со змеей (она вместе с небом, землей, водой и огнем проклинает змею). Она в основном ведет себя пассивно, из активных ее действий можно выделить лечение укуса: *Ta piktoji gyvatė įkando, o Švenčiausia Marija rado liekarstą* «Та злая змея укусила, а Пресвятая Мария нашла лекарства» [Balys, 55, № 369]. В отличие от остальных персонажей она не угрожает змее и не расправляется с ней, а избавляет уже от последствий ее укуса. Единственной формой участия ее в угрозе змее можно назвать то, что заговаривающий пользуется ее палкой,

⁵ По польским поверьям в этот день (25 марта) ужи залезают на деревья и слушают колокольный звон; если уж услышит звон, у него вырастает еще одна голова, а если набирается 7 голов, то он превращается в дракона. Похожие предания связаны с днем рождения Богородицы (8 сентября) [Majewski, 120, 125].

чтобы убить змею: *Zmieja, zmieja! Švinciausia Pana Marija paduok man lazdy kad aš galėčia ažmuš itų zmiejų* «Змея, змея! Пресвятая Дева Мария, подай мне палку, чтобы я мог убить эту змею» [Mansikka, 81, № 81]. По преданиям, змея действительно боится рябиновой палки [Elisonas. Ropliai, 109].

Наконец, последним персонажем, вступающим в борьбу со змеей, является сам заговаривающий. Его образ полнее отражен в русских заговорах. Заговаривающий грозит убить змею, наслать на нее тучу грозную, сжечь ее, развеять по полю, застрелить *каленой стрелой*, насыпать ей в уши *лютаго зелья*. Такие активные действия, хоть и потенциальные, высказанные в форме угроз, составляют большинство действий заговаривающего, остальные представляют собой акты говорения, заговаривания или просьбы: *Стану я, раба Божия (имя рек), отговаривать укушенное место у раба (имя рек), заговаривать; гад подколодный, гад подземельный, возьми свою ярь...* [Майков, 71, № 184]. Слово является главным инструментом заговаривающего: *...убьет тебя Михаил Архангел каленой стрелой, я — словесами, Пресвятой Богородицы с помощью* [РЗ, 82, № 161]. Часто в конце заговора дается «ключ», закрепляющий сказанное: *слово мое крепко; слово мое не преидет ни в век, ни во век*. Однако заговаривающий пользуется и обычными орудиями: двумя ножами булатными, зельем; и орудиями Бога-Громовержца: ему подвластны, как Богу, тучи (*нашлю на тебя грозную тучу, камнем побьет, молнией пожжет*); гром (в литовских заговорах гром действует автономно); стрелы, которыми пользуются помимо него Михаил Архангел и *триста мужей железных и триста коней железных*. Таким образом, заговаривающий предстает своего рода полубожественным персонажем, беря на себя функции преследования и наказания змея. Несмотря на то, что находится он в «своем» мире (живет в избе, имеет скотину и двор), он выходит из него, чтобы обрести желаемое могущество (*Стану я, раб Божий (имя рек), по утру раненко, обуюся гладенко, умоюся беленко, Богу помолюся; пойду я, раб Божий, из избы дверьми благославлясь, из двора в ворота перекрестясь, под утреннюю зарю, к Океану морю* [Майков, 70, № 181]).

В литовских заговорах заговаривающий не настроен агрессивно по отношению к змее: чаще всего он просит о помощи, сам же в основном говорит, «заговаривает»: *Aš nieko nenukalbu; tik nuo gyvatės užkalbu; kur eina saulė, mėnuo ir žvaigždės, Dieve, man padėk* «Я ничего не наговариваю, только от змеи заговариваю, куда идут солнце, месяц и звезды, Боже, мне помоги» [LT, 895, № 9286]. Собственно, слово заговаривающего и является самым главным орудием против змеи, недаром, в основном используются глаголы-перформативы: «говорю», «прошу», «проклинаю», «веду»; да и любой другой глагол становится в этом контексте перформативом. Не только слово, но имя заговаривающего имеет силу: *Švinta Marija, pristok* (3 p.) *Plaukė ilgauodegė par mares* (3 p.)

Svinta Marija nemėga (3р.) *Juodas plaukas nemėga* (3р.) *Mano vardas nemėga* (3р.) «Святая Мария, прибудь (букв. — пристань). Плыла длиннохвостая по морю. Святая Мария не спит. Черный волос не спит. Мое имя не спит» [LTR. 3863]. Кроме имени, заговаривающий имеет дух и пар, тоже служащие орудием против змей: он «стреляет духом» (*kvarpi tau šauni*), а пара его боится змея (*bijok garo mano*). Дух и пар, обозначающие, вероятно, дыхание и испарения, то есть жизнь в человеке, связаны одновременно со словом и с огнем: лит. *garas* родственно рус. *гореть* [Фасмер I, 441]. Огнем, взятым из камня, заговаривающий угрожает змее тоже, но сжечь намеревается не саму змею, а гнилые колоды, горы, пригорки и долины, т. е. владения змей. Самостоятельно нападать на змею заговаривающий, по-видимому, не решается и даже отрицает эту возможность: *Ne aš plaku, prakeiktas garas plaka, per amžią amžius. Amen* «Не я секу, проклятый пар сечет, вовеки веков. Аминь» [LTR, 5561(79)]. Единственный раз он обещает отрубить головы всем змеям, но только заручившись поддержкой Богородицы.

Помогает в борьбе со змеей и концентрация негативного отношения к ней со стороны членов семьи заговаривающего: *Nekenčia tavęs saulė, nekenčia tavęs mėnuo, nekenčia tavęs žvaigždės, nekenčia tavęs dangus, nekenčia tavęs pati, nekenčia tavęs vyras, nekenčia tavęs vaikai, nekenčia tavęs visa pamilija, ir aš tavęs nekenčiu* «Ненавидит тебя солнце, ненавидит тебя месяц, ненавидят тебя звезды, ненавидит тебя небо, ненавидит тебя жена, ненавидит тебя муж, ненавидят тебя дети, ненавидит тебя вся семья, и я тебя ненавижу» [LT, 895, №9285]. Если предположить, что такое обилие ненавидящих змею персонажей, объединенных родственными узами, должно усилить противостояние ей, то обратная ситуация наблюдается в русских заговорах: именно наличие у змей большой родни и перечисление ее в заговорном тексте является залогом скорейшего избавления от нее (посредством обретения власти над всеми змеями): *Змия Македонца! Зачем ты, всем змиям старшая и большая, делаешь такие изъязны, кусаешь добрых людей. Собери ты своих деток и дядей, сестер и братьев, всех родных и чужих, вынь свое жало из греховного тела у раба такого-то...* [РЗ, 80, №157]. Однако больше всего делается упор на змеиных детей: *Матушка змея шкуронец, вынимай своих деток: колodных, болотных, лесовых, летучих, ползучих, боровых, подможных, подконечных, перьярец...* [Майков, 69, №177].

Змея в литовских заговорах тоже имеет детей, в частности, дочь, которую, как рассказывается в заговоре, она задушила и положила под камень. Змея обвиняется также в том, что сделала то же самое с дочерью самого заговаривающего. В другом заговоре подчеркивается, что дети заговаривающего тоже не хотят быть укушенными: *Aš nenoriu anei mano vaikai nenori geluonės kertančio anei skaudančio...* «Я не хочу и мои дети не хотят жала кусающего

и болящего...» [ЛТ, 891, № 9262]. Змея сама сравнивается с пестрым ребенком. Такое внимание к детям является отголоском того, что когда-то змея в Литве считалась покровительницей детей, ужи играли с детьми, спали вместе с ними, охраняли от всех несчастий, а также отвечали за продолжение рода вообще. Бездетные женщины молились о плодovitости ужам еще в конце XIX века! Встреча с ужом на улице означала для женщины свадьбу и рождение ребенка, а когда появлялся новорожденный, змею благодарили такой песней:

<i>Būk pasveikinta, gyvatos nešėja,</i>	«Будь благословенна, жизни носительница,
<i>Žmonių gyvenančių karaliene!</i>	Людей живущих королева!
<i>Klonijamės mes tau, gyvatos daveja,</i>	Кланяемся тебе, жизни подательница,
<i>Apsaugok tą vaiką nuo kurnių.</i>	Храни дитя это от напастей.
<i>Tau klonijamės menki šios žemės mes žmonės,</i>	Тебе кланяемся мы, жалкие люди этой земли,
<i>Tau klonijas garbūs dievai nemirtingi,</i>	Тебе кланяются почтенные боги бессмертные,
<i>Tu ir dievams duodi, kad būtų garbingi,</i>	Ты и богам придаешь чести,
<i>Ir gimstant duodi, kad būtų laimingi.</i>	И рождаясь, приносишь им счастье.
<i>Va šitas žmogus tik gimęs,</i>	Вот, этот человек, только появившись,
<i>O jau pamatė tave, gyvate!</i>	Уже увидел тебя, змея!
<i>Jeigu jis tau dabar rodosi netikęs,</i>	Если он тебе кажется непригодным,
<i>Gali atimti iš jo gyvatą!</i>	Можешь отнять у него жизнь!
<i>Susimilk ant mūsų, tavo biednų žmonių,</i>	Смилиуйся над нами, твоими бедными людьми,
<i>Atitolink kuo toliausiai juodąją smertį.</i>	Удали подальше черную смерть.
<i>Ir tam tik gimusiam vaikui duoki ilgiau gyventi,</i>	И этому только родившемуся ребенку дай жизнь подольше,
<i>Kad greitai neateitų smertis jam gyvastos atimti</i>	Чтобы вскоре не пришла смерть отнять жизнь у него»

[Elisonas. Ropliai, 106]

Этот своеобразный гимн жизни как нельзя лучше отражает отношение к змее в Литве — хранительнице домашнего очага, подательнице плодородия, счастья и долголетия, практически властительнице мира, хозяйке земли и неба. На примере литовских заговоров видно, как постепенно христианское мировоззрение пытается вытеснить змею из занимаемого ею пространства, изменить ее образ, противопоставить ей новые традиции и ценности, но мы видим, насколько сильны корни языческого мировосприятия и с каким трудом змея уступает свои по-

зиции отчасти природным объектам, с которыми она была когда-то тесно связана, отчасти человеку, а в чем-то и Деве Марии.

В русских заговорах отражен, по всей видимости, более поздний этап взаимоотношений человека со змеей — в них отчетливее прослеживается вторая часть основного мифа — поединок Громовержца с противником, тогда как большая часть литовских заговоров, возможно, отражает первый этап — мирного сосуществования главных противоположных сил.

В качестве иллюстрации можно представить в виде таблицы отношение к змее основных действующих лиц в литовских и русских заговорах. Разделение довольно условное, иногда отношение может быть явно не выражено, однако такая таблица, возможно, поможет определить общее и специфическое в каждой группе текстов. Плюсы или минусы в скобках указывают на то, что соответствующее отношение явно не эксплицировано — оно скорее нейтральное.

Отношение к змее основных персонажей

	в литовских заговорах		в русских заговорах	
	положи- тельное	негативное	положи- тельное	негативное
небо	—	+	—	+
солнце	+	+	(+)	+
месяц	+	+	(+)	+
звезды	+	+	(+)	+
мир	+	(+)	—	+
земля	+	+	+	+
вода	+	+	+	+
огонь	(+)	+	—	+
ветер	—	+	—	+
море	+	—	+	—
река	+	—	+	+
лес	+	+	—	+
дуб	+	+	+	—
куст	+	+	+	+
папоротник	—	+	—	—
камень	+	+	+	+
гора	+	+	+	—
поле	+	(—)	+	+
руно	—	—	+	—
гром	—	+	—	+
дом	+	+	—	+

Продолжение таблицы

птица	+	-	-	-
петух	-	+	-	-
пчела	+	-	-	-
конь	-	+	-	+
Бог	-	+	-	+
Богородица	+	+	-	+
святой персонаж	+	+	-	+
заговаривающий	+	+	-	+

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже приводятся фрагменты тезаурусных словарей, составленных на основе литовских и русских заговорных текстов от змеи. Порядок следования концептов и их объединения в группы продиктованы текстами, а не общими знаниями о мире. Цифра после каждого слова означает количество употреблений. Ассоциативный ряд объектов выстраивается на основании совместной встречаемости и функционального сходства предметов.

Модель мира в литовских заговорах от змеи (тезаурусный словарь)

Мир змеи

1. Gyvatė, 61

обращения/названия:

tu, gyvatė, gad (3), gadzica, juodaja gyvatele, zmieja (5), zmieja zmiejėnie;
prakeiktas šliužas, kirmelė, kirminas (23), žaltys (6);
čiuzi (5), čiuzū čiuzute, šlamu šlamute, čižanina, žilvitinė, gyvatinė;
šaltuodege, šaltuodege (9), geležineuodege, brizgauodegė pabrizgauodegė,
ilgauodegė;
geležė, gelezie, gelež, gelež, geležin;
slūgos, Cengė, ledudiela (ledudiula), liga ligėla, korva karvala, žveris;
paukštelė, graži paukšytė, kregždytė gražioji, saldzyja bitela, šviesyja
žvaigždėla, sauliutė, menulio danguje, karalienė liepsnota;
urvine, šaltinė, palazina, skraiduolinė paskraiduolinė, akelė padakelė, ra-
guočė paraguočė, skreduolinė paskreduolinė, žiauna pažiauna, skruoduola;
žalesnykas, matusnykas, pakalne pakalnienė, žemiane (žemialeli), metelale
(meteleli);
aukseli, sidabreli (10), raudonmargė, žalamargė;
žibutė, lakšutė, saldutė, medutė, šemutė, gerutė, margutė, ramutė, čiul-
butė, spindutė;
Marcelina, Katrina, Karalina, Muminė Žeminė

эпитеты:

ruda, marga, juoda, juoda pajuoda, raudona paraudona, žalia, balta, mėlyna, šemoji, žaloji, pilka, melsva, skersai dryža padryža, išilgai dryža padryža;

vandeninė, vandeninė pavandeninė, žeminė, žeminė pažeminė, zimna žeminė, žemyne geležinė, geležinė pageležinė, miedinė pamiedinė, pušinė, krūminė, kvietkinė pakvietkinė, auksinė paauksinė, sidabrinė pasidabrinė;

akla, vaikinga pavaikinga, pikta papikta, prakeikta, piktoji, baisioja, nelaboji;

arklinė, pintinė, purvyninė, kanapinė, verpstinė

части тела (неотчуждаемые атрибуты): galva raudona, uodega geltona, šalta, gerklė, snapas, akelė (karaliaus), dantys, vardas

отчуждаемые атрибуты: geluonis, sopulis, giluo, dukrelė, piktybė, sėkla, tručyzna, karūnėlė (karaliaus), vaikai

главный член множества: gyvačių viešpats, karaliau liepsnotas, Motina mūsų, pikčių karalienė

части целого: dvylika kavalkų, striūgiai striunkeliai

количество: pulkas, daug, trys, devyni tukstančiai, trėjos devynerios

метафоры: žemė, žvaigždėla, geležis, Žieminėlė, paukštis, žveris, bitė

локус 1 (откуда появляется или где живет змея): giria, iš didelės girios, iš liepos krūmo, žalia ganykla, per marion (plaukei), per gilią upę, per rasų (vaikščiojo), lizda, gūžta (ant ažuolo ant Egerų kalno), Kijeve (buvai), žmoguje, iš žmogaus (eik), iš žmogaus kūno (išeik), iš Petro rankos (eik greičiau)

локус 2 (куда прогоняется змея): skradžiai žeme (eik), skradu žeme, po žemėm (gulėk), į žemę (lįsk), undenin (kišk gyluonį), namulio gulti (eik), gurban gulti (eik), urvelin (gulcie), krūmelin, miškelin (eik), samaninen (nunešk savo sopulį), į sausūs miškus, į tyrus, užpakalin, už mėlynųjų marių ant pilko akmens, ant sūdo Dievo, Dievo kišenėje (Dievas išidėjo), duona (gulti į)

локус 3 (где не будет змеи): ant samanų, po samanom, ant krūmo, po krūmu, po mano ašlaimėlių (nevaikščiok)

действия (змея — субъект):

— потенциальные действия:

— императивы: sustok, eik, lįsk, nunešk (sopulį), susirinkit, išsirinkit jūs iš čia, gulėk, nebuk, nesėdėk (čia), naktuik, nekąsk, kišk, skundzic (savo gyluonį), iškelk (cynių viršun), nedarykite (nieko), atleisk (page-dusį kraują, geluonį), atleisk, atleis (man), dovanok (man), negadink (žmonių), nekliudžyk, atiduok (sveikatą, joudą plauką), išimk, pasimk (insavi), gražink, žvilgtelk (akele — gyvačių viešpats), išgydyk, vaduok (baltą galvą), bijok (garo mano), miegok, gulk (į duoną);

— предсказания: nebliesi, nebkąsi, neprisiglaus, man pikto nebdarysi, plyši, išdvesi, pliš, išpumps, išsikas (sau duobę), atsakysi (ant sūdo dievo), sudeginsit (saukę);

— пожелания: vaikščioti (leidžiama tau), eitumei, gulti (eik), (neleidžiama tau) kad kenktai (žmonėms, gyvuliam ar kokiam daiktam), nevodija neiškadija (tegul), klausyti (turit manęs), neturėti (valios ant žemės)

— фактические действия:

— в прошлом: išpauzei, plaukei, vaikščioj, raitosi, vyniojosi, gulėjo, buvai, išlipė, džienujai, nežumerkei (uodegos), įkandai, kirtai, įkando (koją), (pa)darei (Kijeve), padarei (ronas), atleidai, išlaidei (ką), įlei-

dai, idėjai, suteršei, užgavai, tą pasmaugė, akmeniu paslėgė (dukterį), sutraukijai (mano karvelį), turėjo dukrelę, ūliojai, dabojai (per slinkstį), darei (blogą);

- в настоящем: gyvenį, ateina, kerta, kanda, daro žaizdą (žirgui), nuodija (žirgo kraują), duria (gylių), naikiną (savo sėklą)

действия (змея — объект):

- потенциальные действия:

- предсказания: nepriims (tave dievas, ...), razmuš (tave in dvylikų kavalkų), sutrins jo galvą ir jo visą sėklą, galvas nukirsiu (aš);

- пожелания: ažmuš, (kad tavi) nerėgėt, pasmaugtų (tave velnias, biasas, Dievas), paslėgtų (Dievas), sutrauko (tegul į striūgus striunkelius)

- фактические действия:

- в настоящем: (tavo galybę) atima, nešviečia (saulė), iškeikia (dangus, ...), nekenčia jos, nebijau (aš jūsų), keikiu, atleidžiu, nemušio (aš tave), mušu/a (aš, mano giminė, visi šventieji), prašau, atprašau, atmeldžiu, dovanoju, pažįstu (aš jus);

- в прошлом: panynė (pana, Švaistiko žirgas), užkasė, nužudė, nukirto galvą, basliais badžiotos, taukais mozotos, bizūnais kotavotos, sutrypė (tavo galvą Šv. Pana), suspardė (Jezus), prakeikė, įsidėjo (į kišenę) (Dievas), kalbėjo (Švaistikas), užgavau, sutvierė (tave velnias), duku indej (viešpats Jezus), nedavė tau ne jokio nuodo, anej silos, patiko (sutiko) (šv. Petras ir Jezus)

субъекты действий со змеей: Dievas, Švenčiausia Motina (iškeikia), viešpats Jezus (duku indej, nedavė tau ne jokio nuodo, anej silos), šv. Petras, Šv. Pana, Dievs Tėvs, Sūnus Dievs, Dvasia Šventa, Šventas Jonas, Šventas Dievo kardas, Mozės lazda, visi šventieji, Švaistiko žirgas (pamynė), Švaistikas (kalbėti), šventas Jurgus, aš (ažmušiu, prašau, nekenčiu, nebijau, keikiu, atmeldžiu, pažįstu, galvas nukirsiu, mušu), mano giminė (muša), saulė, mėnuo, žvaigždės (nepriims, nerėgėt), griausmas (un užuolo), keturi vėjai, žemė, vanduo, ugnis, velnias (tave sutverė, pasmaugtų), biasas, geležinės akėčios, juodi arkliai (tegul sutrauko)

инструменты действий со змеей: lazda, basliai, taukai, bizūnai

объекты действий змеи: keltuva, žmogus (kąsti), cynius (iškelti), pageđes kraujas (atleisti), juodą gyvulį (kirto), žmonės, gyvulys, daiktas (kenkti), sunkybė (atleisti), rona (padaryti), koją (įkąsti), žirgas, žirgo kraujas (nuodyti), dukrelė (pasmaugė), plaukas (nekliudzyk), tinimas (atleisti), balta galva (vaduoti), valia (neturėti)

сравнения: Pana Marija (vyresnė kaip žalčio galva), seilė, saulė, mėnuo, medis, vanduo, margas vaikas, trys mergos, žveris, sūris

метафоры (змея — объект): saulė, mėnuo, žemė

параллели: paukštelis, akmuo, papartys, medis

1.1 Атрибуты

1.1.1 неотчуждаемые

1.1.1.1 akis, 3

локус: po karūnele

действия: žvilgtelėti

1.1.1.2 snapas, 1

действия (snapas — локус): durti iš (gylių)

субъект (snapas — локус): gylis

- 1.1.1.3 *gerklė*, 1
действия (*gerklė* — объект): *prakeikti* (Ponas Jezus)
- 1.1.1.4 *dantys*, 1
- 1.1.1.5 *vardas*, 5
действия (*vardas* — объект): *žinoti* (aš)
- 1.1.1.6 *karūna*, 1
- 1.1.2 отчуждаемые
- 1.1.2.1 *galva*, 4
эпитеты: *raudona*
действия (*galva* — объект): *nukirsti*, *sutrinti* (Dievas)
- 1.1.2.2 *uodega*, 11
эпитеты: *geltona*, *šalta*
действия (*uodega* — объект): *nežumerkti*, *išleisti iš savis*, *pasiimti unsavi*
- 1.1.2.3 *geluonis* (*gyluonis*), 13
синонимы: *žandelis*, *kramslas*
эпитеты: *kertantis*, *skaudantis*
действия (*geluonis* — субъект): *išeiti*, *atpuls*
действия (*geluonis* — объект): *kišti*, *skandinti*, *atleisti*, *pasiimti*, *išleisti (iš savis)*, *nenorėti*, *durti*, *išimti*
локус: *iš snapo*, *vandenų*
- 1.1.2.4 *sėkla*, 2
действия (*sėkla* — объект): *naikinti*, *išnyšcyti* (*gyvatė*), *sutrinti* (Dievas)
- 1.1.2.5 *nuodai*, 5
действия (*nuodai* — субъект): *išeiti*
действия (*nuodai* — объект): *atimti* (*žemė*, *saulė*), *paminti* (Panela Švenčiausia), *neduoti* (Jezus), *išnešti* (*gyvatė*)
локус: *ronoj*
- 1.1.2.6 *sopulys*, 6
изофункциональные слова: *tinimas*, *tvinkimas*, *putmenys*
эпитеты: *kartus*
действия (*sopulys* — объект): *pasiimti*, *nunešti*, *atimti* (*gyvatė*), *nustoti*, *dūsauti ant* (Švenčiausia Panela)
локус: *samanynas*, *žemė*
palyginimas: *upė Jardonio*
- 1.1.2.7 *dukra*, 2
действия (*dukra* — объект): *turėti*, *pasmaugti*
- 1.1.2.8 *vaikai*, 2
действия (*vaikai* — субъект): *plyšti*, *išdvėsti*
- 1.2 Свойства
- 1.2.1 *galia*, 1
действия (*galia* — объект): *sutrypti* (šv. Pana), *atimti* (keturi vėjai)
- 1.2.2 *piktybė*, 16
антонимы: *gerybė*
действия (*piktybė* — субъект): *nueiti*, *prapulti*
действия (*piktybė* — объект): *paleisti* (*žemė*)
- 1.2.3 *blogybė*, 7
антонимы: *gerybė*
действия (*blogybė* — объект): *pasiimti* (*žemė*), *duoti* (*velnias*)

1.3 Локус

1.3.1 pasaulis, 2

действия (pasaulis — объект): vaikščioti po

1.3.2 Kijevas, 1

действия (Kijevas — локус): būti, daryti (ką)

1.3.3 namai, 7

параллели: gurbas (grabas)

действия (namai — объект): eiti, gulti

1.3.3.1 slenkstis, 1

действия (slenkstis — объект): daboti per

1.3.4 gurbas (grabas), 2

параллели: namai

действия (gurbas — локус): eiti, gulti

1.3.5 lizda, 1

синонимы: gūžta

локус: giria, ant ažuolo

субъекты (lizda — локус): trys slūgos: Karalina, Katrina, Marcelina

1.3.6 urvas, var. urvelis, 3

действия (urvas — локус): lįsti, eiti, gulti, miegoti (gyvatė)

Модель мира в русских заговорах от змеи (тезаурусный словарь)

Мир змеи

1. змея, 67

названия: змея, змей лютый, черный гад, черная гадина, пестрая гадница, гад подколотный, гад подземельный, гадина люта, червь земляной, беззаконная тварь, лютеедица, золотая голова, змея скорпея, змея скоп-рея, змея скоропея, скороспея, змея шкуропея (вар. шкура пегая), скри-пия-змея

экземпляры: казюли, ужи, змии и змицы, ужи и ужицы, медяницы и сарачицы;

карачалка, медяница, лютая медяница, веретенница, ярый ярец, пере-ярец, шереса, росица, шересперь, таль;

девица, змеина сестрица, пилаты;

Колоколуха, сестры Марья, Марина и Катерина, Ирина, Катерина, Ма-рея, Наталя, Саватей, инорокая змия Гарафена

эпитеты: пестрая, черная, широкоперая;

лютая, проклятая, злая, нечестивый, снедающая людей и скот;

подземельный, полевая, луговая, болотная, подколотная, домовая, гное-вая, жежевая, курчевая, лесовая, водяная, полетучая, рубежовые, дво-ровые

главный член множества: Змия Македоница, царица Елица, Матуш-ка змея шкуропея, сударыня Хевра, змей-Скороспей

части множества: детки: колодные, болотные, лесовые, летучия, пол-зущия, боровые, подмножные, подконечные, перярец; слуги; много де-тей: тридевяты удененков, тридевяты козюленков, тридевяты золотых ме-динцов и тридевяты треярных щадушов, и тридевяты перяярных козюль, и тридевяты перяярных шадышей, и тридевяты перяярных ужаков, и

тридевять переярных медынцев, и тридевять переярных желтобрюхов, и тридевять огневых змеев, и тридевять переярных полозов;

дяди, сестры и братья, все родные

части тела: жало, уды, клевало, зубы, рот, уши, двенадцать шкур с разными шкурами, золотая голова

атрибуты: лихость, нечистая сила, ять, ярь, нечистый ад, явый яд;

трои клещи железные, гроб, нора

количество: три, тридевять

локус 1 (откуда появляется и где живет змея): в Киеве, в пещере, под (бараньим) (чорным) руном, в гнезде, на кровати, на камне (Белоробе), на дубе сидит;

из моря, из-за горы, из белокаменной пещеры (выходила), по чистым полям и по шелковым травам, по пням, по изгородам и по гнилым колодам, и по дрязгам (пошла), в землю (спрятаться)

локус 2 (куда гонится змея): ко Христу на суд, (разсыпся и раскатись) по буйным ветрам и по чистым полям, (чтоб тебе) сквозь землю пройти

локус 3 (где ее не будет/не должно быть): ни под землю, ни под межою, ни в поле, ни под колодою, ни в траве, ни в сырых борах, ни в темных лесах, ни в оврагах, ни в ямах, ни в дубах, ни в норах, не ляжи лес по стрехам и по вертепам по долинам и по полям, и по межам, и по степям, и по лугам, и по морям, и по рекам, и по окопам, и по дорогам, и по домам, и по ручьям

действия (змея — субъект):

— потенциальные действия:

— императивы: отдай (мне свое жало), вынь (свое жало, три жала), вынимайте (нечистый ад, свои зубы и яд), выкинь (свою жа(и)лу), отбери (от него недуги), возьми (свою ять, свою ярь), поди-ка сюда, собери (своих деток и дядей, сестер и братьев, всех родных и чужих), собирайтесь укруг и говорите удруг, бойся, разсыпся и раскатись, найди (ту змею), не ляжи лес, отступи (от меня), бегите прочь, унимай (своих слуг), утишите (свою лихость от раба Божию), уйми (своих детищев);

— пожелания: чтоб тебе, проклятой, сквозь землю пройти, да будет бездыханна всякая козюлька;

— условия: (если) ужалишь железный стул, (если) ты (не) вынешь своего жала, если ты их не будешь унимать;

— действия в будущем: буду унимать (пилатов), (недуги) выгонять из жил, из костей, из наостей, из влутренняго живота и из горячей крови; напишу (на воде надпись), пошлю (тые воду русому человеку), не пойду, гаркнет (змей-Скороспей), спрячусь в землю;

— предсказания: не укроешься, пропадет;

— фактические действия:

— в прошлом: выходила, выносила (трои клещи железные), вынимала (жалю), (рабу Божию) ела, съели (мою скотину), укусила (раба Божию), пошла, нашла;

— действия в настоящем: делаешь такие изъяны, кусаешь добрых людей, чрез Христовы заповеди ступаешь, раба (имя рек) за паты кушаешь, лежит, сидит, говорит

действия (змея — объект):

— действия в настоящем: рублю, отговариваю, приговариваю (от), не велит (тебе Христос) кусать, прихожу (к), жалобу приношу (на);

- действия в прошлом: пришел (к), не (я вас) породила, (не) (я вас) на свет пустила;
 - действия в будущем: (не) пустит (тя ни вода, ни земля, ни пень, ни колода и не липовый куст), примет (тя и вода, и земля, и липовый куст), нашла (на тебя грозную тучу), (каменьем) побьет, (молнией) пожжет, (огнем) сожжет, сниму (я с тебя двенадцать шкур с разными шкурами), сожгу, развею (по чистому полю), опечет (тя красно солнышко), освятит (тя светлый месяц, часты звездочки), обмоет (тя утренняя роса), отдую и отговорю, (мы вам) помолимся, (на все на четыре стороны) поклонимся, я буду жаловаться (на тебя Николаю Угоднику и Николаю Сольнскому), (сам тебя) застрелю, (царя Давида) просить нечистую силу змеи отворать, (я тебя громом) убью, я насыплю (тебе в уши лютого зелья), отрежу (я у змии Гарафены жало), (вас сырая земля) (не) примет, (ясное солнце) (не) обогреет
- субъекты действий со змеей: я, Христос, Пресвятая Богородица, вода, земля, пень, колода, липовый куст, красно солнышко, светлый месяц, часты звездочки, утренняя роса, мы, царь Давид, грозная туча, раки-това порода, Михаил Архангел
- инструменты действий со змеей: каленый уголь, камень, молния, Святой дух, постная коляда, иорданская вода, каленая стрела, гром, лютое зелье, два ножа булатные, словеса, огонь
- объекты действий змеи: жало, нечистый ад, свои зубы и яд, недуги, своя ять, своя ярь, детки и дяди, сестры и братья, все родные и чужие, слуги, лихость, раб Божий, трои клещи железные, моя скотина, добрые люди, Христовы заповеди, вода, пилаты, железный (серебряный, золотой) стул

1.1 Части тела

1.1.1 жало, 18

названия: клевало

изофункциональные слова: недуги, зубы, яд, ять, ярь, ад

эпитеты: ужево, змеино, лютое

количество: три

действия (жалю — субъект): не тряхнуться, не ворохнуться

действия (жалю — объект): (не) отдать, вынимать, вынуть, выкинуть (змею), отрезать, стрелять в (триста коней железных и триста мужей железных)

инструменты действий: трои клещи железные, луки железные, по триста стрел железных, два ножи булатные

локус 1 (где жало): черный гад, раб(а) Божий(ая), живот, сердце, третья жила, третий пожилок, третий сустав, третий суставчик, греховное тело, вымя черной коровушки матушки

локус 2 (где должно быть жало): камень, три сундука железные

сравнения: Как матушка земля стоит на трех кедрах

1.1.2 уды, 1

действия (уды — объект): потопить (я)

1.1.3 рот, 2

объект (рот — локус): капли воды нет

1.1.3.1 зуб, 4

изофункциональные слова: яд, жало, ярь, ять, ад

эпитеты: змеинный

действия (зуб — объект): вынуть (змея)
 локус: раб, гроб, белые кости, черные брови, ясные очи, жилы, поджилы,
 ногти, с подногти, буйная голова, горячая кровь, ретивое сердце
 объект (зубы — предполагаемый локус): каленый уголь

1.1.4 уши, 1

действия (уши — локус): насыпать лютое зелье в (я)

1.1.5 голова, 2

изофункциональные слова: змей лютый

эпитеты: золотая

действия (голова — субъект): выкинуть (жало)

действия (голова — объект): отговаривать, приговаривать от (я)

1.1.6 шкура, 2

количество: двенадцать

эпитеты: разные

действия (шкура — объект): снять (я)

1.2 Атрибуты

1.2.1 ять/ярь, 3/3

изофункциональные слова: жало, зубы, яд, ад

действия (ять/ярь — объект): взять (гад подкольный, таль)

1.2.2 яд, 3

изофункциональные слова: зубы, жало, ад, ять, ярь

эпитеты: явый

действия (яд — объект): вынуть (Матушка змея шкуроепа, змея)

локус: кости, мощи, поджилки, состав, полусостав, буйная голова, реберная/белая кость, горю(я)чая кровь, тощий живот, дробные кишки, черные брови, ясные очи, жилы, ногти, подногти, ретивое сердце, гроб

1.2.3 ад, 1

изофункциональные слова: жало, зубы, яд, ять, ярь

эпитеты: нечистый

действия (ад — объект): вынуть (змеи)

локус: суставы, полусуставы, жилы, полужилы, полупожилки, тридевяты суставов, тридевяты полусуставов, тридевяты полужилков, черная шерсть, белое тело, чистая кровь, чистое сердце, буйная голова

1.2.4 лихость, 1

действия (лихость — объект): утишить (змеи)

1.2.5 нечистая сила, 1

действие (нечистая сила — объект): сократить (царь Давид)

1.3 Части множества

1.3.1 родные, 1

изофункциональные слова: дети, дяди, сестры, братья, чужие

действия (родные — объект): собрать (Змия Македонца)

1.3.1.1 дети, 6, вар. детища

изофункциональные слова: дяди, сестры, братья, родные, чужие

экземпляры: тридевяты удененков, тридевяты козюленков, тридевяты золотых мединцов и тридевяты треярных щадушов, и тридевяты переярных козюль, и тридевяты переярных шадышей, и тридевяты переярных ужаков, и тридевяты переярных медынцев, и тридевяты переярных желтобрюхов, и тридевяты огневых змеев, и тридевяты переярных полозов; пестрые, перепелесьи, полевые, луговые, дворовые, водяные, боровые

эпитеты: колодные, болотные, лесовые, летучия, ползучия, боровые, подможные, подконечные, переярец
 действия (дети — объект): собрать, вынимать (Змия Македонца, Матушка змея шкуропая, змей-Скороспей), унять (скрипия-змея)

1.3.1.2 дяди, 1

изофункциональные слова: дети, сестры, братья, родные, чужие
 действия (дяди — объект): собрать (Змия Македонца)

1.3.1.3 сестра, 2

изофункциональные слова: дети, дяди, братья, родные, чужие
 названия: Марья, Марина, Катерина
 внутренний атрибут: лихость
 внешний атрибут: пилаты

локус: на кровати

действия (сестра — субъект): утишить (лихость), унимать (пилатов), выгонять (недуги), написать (надпись), послать (воду)

адресат действия: русский человек

действия (сестра — объект): собрать (Змия Македонца), помолиться, поклониться, прийти к, жаловаться на (мы, я)

1.3.1.4 братья, 1

изофункциональные слова: дети, дяди, сестры, родные, чужие
 действия (братья — объект): собрать (Змия Македонца)

1.3.2 чужие, 1

изофункциональные слова: дети, сестры, братья, родные
 действия (чужие — объект): собрать (Змия Македонца)

1.3.2.1 слуги, 1

действия (слуги — объект): унимать (змея)

1.4 Локус

1.4.1 место постоянного пребывания

1.4.1.1 Киев, 1

В Киеве змея

1.4.1.2 пещера, 3

эпитеты: белокаменная

локус: за морем, за горой

объект (пещера — локус): дом

действие (пещера — локус): выходить (из)

1.4.1.3 руно, 10

изофункциональные слова: камень, гнездо, кровать

эпитеты: черное, баранье, черного барана

действия (руно — субъект): лежать

локус: на камне, у липовом кусте, под той бороною, в еловом дору

действия (руно — локус): лежать (под, на)

объекты (руно — локус): змея (под, на), три змеи, гнездо (в)

функция: укрывать от частых звезд, от ясного месяца, от светлага солнца (змею)

1.4.1.4 гнездо, 5

эпитет: золотое

количество: сорок

локус: бел горюч камень Алатырь (на), руно (в), дуб (на)

субъекты (гнездо — локус): царица Елица, змея шкуропая

действия (гнездо — локус): лежать

ассоциативный комплекс: камень, руно, кровать

1.4.1.5 кровать, 2

локус: под сырым дубом

субъекты (кровать — локус): девица, змеина сестрица

действие (кровать — локус): лежать

ассоциативный комплекс: гнездо, камень, руно

1.4.1.6 норы, 2

эпитет: змеинные

действие (норы — локус): ходить по (Господь)

действия (норы — субъект): шелковой травой завиваться, желтым песком засыпаться

ассоциативный комплекс: доли, зеленые луга, желтые пески

1.4.2 Место временного пребывания

1.4.2.1 гора, 1

объект (гора — локус): белокаменная пещера

действие (гора — локус): выходить из-за (змея)

1.4.2.2 поле, 3

ассоциативный комплекс: шелковые травы, пни, изгороди, гнилые колоды, дрязги, земля, межа, бор, лес, овраг, яма, дубы, норы, стрехи, вертепы, долины, степи, луга, моря, реки, окопы, дороги, дома, ручьи

эпитеты: чистое

действия (поле — локус): пойти по, не укрыться, разсыпаться и раскатиться по, не лжжать (змея), развезть по (я)

1.4.2.3 травы, 3

эпитеты: шелковые

действия (травы — локус): пойти (по), не укрыться (змея)

действия (травы — инструмент): завиваться (змеинные норы)

ассоциативный комплекс: чистые поля, пни, изгороди, гнилые колоды, дрязги, земля, межа, бор, лес, овраг, яма, дубы, норы

1.4.2.4 пень, 6

действия (пень — субъект): (не) пустить (змею)

действия (пни — локус): пойти по (змея)

ассоциативный комплекс: чистые поля, шелковые травы, изгороди, гнилые колоды, дрязги, вода, земля, липовый куст

1.4.2.5 изгороди, 1

действия (изгороди — локус): пойти по (змея)

ассоциативный комплекс: чистые поля, шелковые травы, пни, гнилые колоды, дрязги

1.4.2.6 колода, 7

эпитеты: гнилая

действие (колода — субъект): (не) пустить (змею)

действия (колода — локус): пойти по, не укрыться под (змея)

ассоциативный комплекс: чистые поля, шелковые травы, пни, изгороди, дрязги, земля, межа, бор, лес, овраг, яма, дубы, норы, вода, земля, пень, липовый куст

1.4.2.7 дрязги, 1

действия (дрязги — локус): пойти по (змея)

ассоциативный комплекс: чистые поля, шелковые травы, пни, изгороди, гнилые колоды

1.4.3 Места, где ее не должно быть

1.4.3.1 межа, 2

действия (межа — локус): не укрыться, не лжжать (змея)

ассоциативный комплекс: поле, земля, колода, трава, сырые боры, темные леса, овраги, ямы, дубы, норы, стрехи, вертепы, долины, степи, луга, моря, реки, окопы, дороги, дома, ручьи

1.4.3.2 лес, 2

эпитет: темные

действия (лес — локус): не укрыться, не лжать (змея)

ассоциативный комплекс: поле, земля, межа, колода, трава, сырые боры, овраги, ямы, дубы, норы, стрехи, вертепы, долины, степи, луга, моря, реки, окопы, дороги, дома, ручьи

1.4.3.2.1 бор, 1

эпитет: сырые

действия (бор — локус): не укрыться (змея)

ассоциативный комплекс: поле, земля, межа, колода, трава, темные леса, овраги, ямы, дубы, норы

1.4.3.3 овраги, 1

действия (овраги — локус): не укрыться (змея)

ассоциативный комплекс: поле, земля, межа, колода, трава, сырые боры, темные леса, ямы, дубы, норы

1.4.3.4 ямы, 1

действия (ямы — локус): не укрыться (змея)

ассоциативный комплекс: поле, земля, межа, колода, трава, сырые боры, темные леса, овраги, дубы, норы

1.4.3.5 норы, 1

действия (норы — локус): не укрыться (змея)

ассоциативный комплекс: поле, земля, межа, колода, трава, сырые боры, темные леса, овраги, ямы, дубы

1.4.3.6 стрехи, 1

действия (стрехи — локус): не лжать по (змея)

ассоциативный комплекс: вертепы, долины, поля, межи, степи, луга, моря, реки, окопы, дороги, дома, ручьи

1.4.3.7 вертепы, 1

действия (вертепы — локус): не лжать по (змея)

ассоциативный комплекс: стрехи, долины, поля, межи, степи, луга, моря, реки, окопы, дороги, дома, ручьи

1.4.3.8 долины, 2, вар. долы

действия (долины — локус): не лжать по (змея), ходить по (Господь)

ассоциативный комплекс: вертепы, стрехи, поля, межи, степи, луга, моря, реки, окопы, дороги, дома, ручьи, зеленые луга, желтые пески, змеинные норы

1.4.3.9 степи, 1

действия (степи — локус): не лжать по (змея)

ассоциативный комплекс: вертепы, стрехи, долины, поля, межи, луга, моря, реки, окопы, дороги, дома, ручьи

1.4.3.10 луга, 2

эпитет: зеленые

действия (луга — локус): не лжать по (змея), ходить по (Господь)

ассоциативный комплекс: вертепы, стрехи, долины, поля, межи, степи, моря, реки, окопы, дороги, дома, ручьи

1.4.3.11 окопы, 1

действия (окопы — локус): не лжать по (змея)

- ассоциативный комплекс: вертепы, стрехи, долины, поля, межи, луга, моря, реки, степи, дороги, дома, ручьи
- 1.4.3.12 дороги, 3
эпитет: чистая
действия (дороги — локус): не лжжать по (змея)
ассоциативный комплекс: вертепы, стрехи, долины, поля, межи, луга, моря, реки, окопы, степи, дома, ручьи
- 1.4.3.13 дом, 2
действия (дома — локус): не лжжать по (змея)
локус: в пещере, в деревне
ассоциативный комплекс: вертепы, стрехи, долины, поля, межи, луга, моря, реки, окопы, степи, дороги, ручьи
- 1.4.3.14 ручьи, 1
действия (ручьи — локус): не лжжать по (змея)
ассоциативный комплекс: вертепы, стрехи, долины, поля, межи, луга, моря, реки, окопы, степи, дороги, дома
- 1.4.3.15 пески, 2
эпитет: желтые
действие (пески — локус): ходить по (Господь)
действие (пески — инструмент): засыпаться (змеинные норы)
ассоциативный комплекс: долы, зеленые луга, змеинные норы

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. Москва, 1957.
- Бажов — П. П. Б а ж о в. Про Великого Полоза // Уральские сказы. Москва, 1964.
- Даль — В. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва, 1995.
- Керлот — Х. Э. К е р л о т. Словарь символов. Москва, 1994.
- Майков — Великорусские заклинания. Сборник Л. Н. Майкова. СПб, 1994.
- МНМ — Мифы народов мира. Энциклопедия. Москва, 1997.
- Очерки — Очерки истории культуры славян. Москва, 1996.
- РЗ — Русские заговоры / Составитель Н. И. Савушкина. Москва, 1993.
- СРЗ — Словарь русского знахаря / Составитель Т. М. Васильева. Нижний Новгород, 1997.
- СРС — Е. Г р у ш к о, Ю. М е д в е д е в. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Нижний Новгород, 1995.
- Теобальд — Теобальд. Литовско-языческие очерки. Вильно, 1890.
- ТРМ — Традиционная русская магия в записях конца XX века. СПб., 1993.
- Фасмер — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996.
- Balys — J. B a l y s. Liudies magija ir medicina. Bloomington, Indiana, 1951.
- Brückner — A. B r ü c k n e r. Starożytna Litwa. Ludy i bogi. Szkice historyczne i mitologiczne. Warszawa, 1904.
- Būga — P. B ū g a. Rinktiniai raštai. Vilnius, 1958, I t.
- Daukantas — S. D a u k a n t a s. Raštai. Vilnius, 1976.

- Dundulienė. — P. Dundulienė. Žalčiai lietuvių pasaulėjautoje ir dailėje. Vilnius, 1996.
- Elisonas. Gyvatė — J. Elisonas. Pantinė gyvatė (Vipera berus) // Kosmos, 1930, № 6.
- Elisonas. Reptilia — J. Elisonas. Keletas folkloro dalykų apie mūsų krašto roplių (Reptilia) atstovus // Kosmos, V t., 1924.
- Elisonas. Ropliai — J. Elisonas. Mūsų krašto ropLIAI lietuvių folkloro šviesoje // Mūsų tautosaka. Kaunas, III t., 1931.
- Elisonas. Varlės — J. Elisonas. Keletas folkloro dalykų apie mūsų krašto varles (Amphibia) // Tauta ir žodis. Kaunas, IV kn., 1926.
- Fraenkel — E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen, 1955.
- Hanusch — I. J. Hanusch. Die Wissenschaft des Slawischen Mythos im weitesten, den altpreußisch-lithauischen Mythos mitumfassenden Sinne. Lemberg, Stanisławów und Tarnow, 1842.
- Kraszewski — J. I. Kraszewski. Starożytnie dzieje, ustawy, język, wiara, obyczaje, pieśni, przysłowia, podania i t. d. Warszawa, 1847.
- LKAG — Liaudies kūrybos archyvo garsoįrašai (Lietuvos liaudies kultūros centras).
- LM — Lietuvių mitologija. Vilnius, 1995, t. 1.
- LT — Lietuvių tautosaka. V t. (Smulkioji tautosaka, žaidimai ir šokiai). Vilnius, 1968.
- LTR — Lietuvių Tautosakos Rankraštynas (Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas).
- Majewski — E. Majewski. Wąż w mowie, pojęciach i praktykach ludu naszego // Wisła, 1892, T. VI.
- Mansikka — V. Mansikka. Litauische Zaubersprüche. Helsinki, 1929.
- Stanevičius — S. Stanevičius. Raštai. Vilnius, 1967.
- Šimkūnaitė — E. Šimkūnaitė. Žalkčių karalius // Mūsų gamta, 1968, № 9–10.
- TD — Tautosakos darbai, IV t. Kaunas, 1938.
- Urbanavičius — V. Urbanavičius. Šliaužiojanti dievybė // Mokslas ir gyvenimas. Vilnius, 1985, № 7.
- Usener — H. Usener. Götternamen: Versuch einer Lehre von der religiösen Begriffsbildung. Bonn, 1896.
- Wolter — E. Wolter. Mythologische Skizzen // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1886.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванов, Топоров 1974 — В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Невская 1984 — Л. Г. Невская. Лит. *margas* (семантические связи постоянного эпитета) // Славянское и балканское языкознание: язык в этнокультурном аспекте. М., 1984.
- Никитина 1993 — С. Е. Никитина. Устная языковая культура и языковое сознание. М., 1993.
- Потебня 1860 — А. А. Потебня. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1860.

- Судник, Цивьян — Т. М. С у д н и к, Т. В. Ц и в ь я н. О мифологии лягушки (балто-балканские данные) // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982.
- Топоров — В. Н. Т о п о р о в. Заметки по балтийской мифологии // Балто-славянский сборник. М., 1972.
- Цивьян — Т. В. Ц и в ь я н. Змея=птица: к истолкованию тождества // Фольклор и этнография. Л., 1984.